

СЕРАФИМ АРУТЮНОВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ НАХИЧЕВАНЦЕВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ НАХИЧЕВАНЦЕВ

Наталья САМАРИНА

Серафим Арутюнов.

Огненный дух просветительства

Ростов-на-Дону
2024

УДК 75(С)092
ББК 76.173

ISBN 978-5-91011-108-4

Н. В. Самарина, к.и.н.

С ?? Серафим Арутюнов. Огненный дух просветительства (сер. «Жизнь замечательных нахичеванцев») – Ростов-на-Дону, ООО «Ковчег», 2024. – ?? с., илл.

Книга Натальи Самариной «Серафим Арутюнов. Огненный дух просветительства» издана в рамках книжного проекта «Жизнь замечательных нахичеванцев». Посвящена она человеку, которого смело можно назвать одним из пионеров донского издательского дела – Серафиму Христофоровичу Арутюнову (1848–1911). Блестящий юрист, он предпочел жизни в столицах, где ему прочили успешный карьерный рост, родную Нахичевань, служение ее жителям. На Дону его профессионализм, умение разбираться в самых сложных юридических коллизиях довольно скоро были отмечены губернскими властями, замечены в Петербурге. Казалось бы, безбедная чиновничья жизнь, почет и авторитет в обществе ему были обеспечены. Но 1891 году Серафим Арутюнов решил круто поменять маршрут жизненного пути – возглавить первую и некоторое время считавшуюся единственной краевую газету, получившую название «Приазовский край». Гуманист и просветитель по складу ума и характеру, Арутюнов предположил, что пресса, периодическая печать способна повести за собой людей, привести их к «свету знаний и культуры», вырвав их морока тьмы и невежества. Издаваемая и редактируемая им ежедневная шестиполосная газета пользовалась популярностью не только в Ростове и Нахичевани, Таганроге и Новочеркасске. Она распространялась также в Москве и Петербурге. С. Х. Арутюнов отдавал своему детищу все свои интеллектуальные, эмоциональные, материальные, физические силы. Подорвав здоровье на издательском поприще С. Х. Арутюнов ушел из жизни рано – в 63 года. Дело его жизни ненадолго пережило своего создателя. Газета просуществовала до 2020 года. Однако смело можно сказать, что оно живет и сегодня. К хранящимся в Донской государственной публичной библиотеке подшивкам часто обращаются современные историки, литераторы, справедливо называя «Приазовский край» «энциклопедией ростовской жизни конца XIX – начала XX веков». Что же касается личности С. Х. Арутюнова, то этот, по отзывам современников, скромнейший и деликатнейший человек, оказался, как показало время, в числе тех, кто сыграл роль исторической важности в жизни нашего донского края.

Проект осуществлён в рамках культурной программы РРОО «Ново-Нахичеванская-на-Дону армянская община» (председатель правления — А. А. Сурмалян).

ISBN 978-5-91011-108-4

© Н. В. Самарина, 2024

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ НАХИЧЕВАНЦЕВ

Наталья САМАРИНА

Серафим Арутюнов.

Огненный дух просветительства

Ростов-на-Дону
2024

Предисловие

«Серафим (древнеевр.) – жгуций, огненный; шестикрылый огненный ангел».

Толкование имени

«К свету знания, гуманности и культуры!»

Девиз газеты «Приазовский край». 1907 г.

«Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6:6).

Прометей, герой красивого древнегреческого мифа, некогда украл у богов огонь, чтобы принести его свет и тепло людям и тем самым сделать их жизнь лучше. Поплатился герой за это своей свободой и собственной печеню.

Более 130 лет тому назад в уездном городе на юге Российской империи человек основал большую ежедневную газету, чтобы нести свет знания обывателям края, выращивать думающих читателей и приобщать их к культуре, поскольку и народных школ, и средних учебных заведений здесь было удручающе мало. Вузов же не было вообще, ни одного. И отдал он газете все свои силы и средства, знания и энергию, материальное благополучие и здоровье.

Имя этого человека Серафим Арутюнов. Ныне оно вспоминается намного реже, чем название основанной и выпестованной им газеты – «Приазовский край». Да и та упоминается в основном то в негативном, то в уничижительном контексте. Упоминается теми, кто в лучшем случае знакомился с ее публикациями отрывочно, выхватывая нужные цитаты из отдельных номеров, а в худшем – не читал газету вообще.

Мой интерес к основателю и идейному руководителю «Приазовского края» возник сравнительно недавно и стал своеобразным итогом неоднократных обращений к газете, им редактировавшейся.

Обстоятельства моих штудий как историка-краеведа сложились так, что к публикациям газеты, основанной Серафимом Христофоровичем Арутюновым, я не раз обращалась как к историческому источнику с вполне определенными и очень разными целями. Первым было знакомство с текстом статьи М. Шагинян «Еще о “Вехах”» (1909) для работы, посвященной полемике об этом сборнике в российской печати 1909–1912 годов. Затем работала с газетными подшивками при написании диссертации, освещающую экономическую деятельность и социокультурный облик донских пред-

принимателей конца XIX – начала XX веков «Приазовский край» оказался ценным и репрезентативным источником благодаря опубликованным в нем статьям по проблемам экономического развития края, оценкам деятельности городских самоуправлений донских городов и характеристикам действий, имевшихся в области предпринимательских организаций.

Попутно много интересных фактов об области Войска Донского и Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века было почерпнуто для курса по истории региона, который я читала на истфаке РГУ-ЮФУ почти тридцать лет. Еще одно обращение к газетным публикациям – на сей раз на политические темы – было в связи с написанием статьи для энциклопедии «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века», изданной в 2010 году.

Все это, тем не менее, не создавало у меня общего и системного представления об идейно-эстетической платформе газеты; оно просто не складывалось. Помог случай, вернее два. Первый – оцифровка годовых подшивок «Приазовского края», за исключением двух последних лет издания, совпавших с гражданской войной на юге России. Это сделало возможным обстоятельное знакомство с публикациями газеты на сайте Донской публичной библиотеки. Второй фактор, тоже случайного происхождения, – ставшее вдруг регулярным мое участие в «Шагиняновских чтениях», начавшихся одиннадцать лет назад. В процессе их ежегодной подготовки возник интерес к фельетонам, стихам и рассказам М. С. Шагинян, публиковавшимся в газете. Они, мозаично разбросанные по годовым комплектам «Приазовского края», стали предметом моего поиска, который длится уже не один год.

Однако в ходе этих розысков мое внимание постепенно всё более концентрировалось на структуре публикаций «Приазовского края»; привлекали имена некоторых авторов статей и обзоров; местоположение отдельных материалов, с М. С. Шагинян не связанных, но интересных своими тематикой и проблематикой, фиксировалось для дальнейшего осмысления и использования. А сама газета все отчетливее представала как последовательный просветитель краевого обывателя. Об этом захотелось написать, показав ее роль в социокультурном развитии края, за бытую или по тем или иным причинам искаженную.

Естественно, возник и исследовательский интерес к ее основателю и многолетнему редактору. Информацию о С. Х. Арутюнове приходилось собирать по крупицам, она крайне скупа, особенно о его личных качествах и частной жизни. Что-то восстанавливалось лишь по косвенным данным,

Серафим Христофорович
Арутюнов (1848 – 1911)

РАННИЕ ГОДЫ. ОБРАЗОВАНИЕ

Нина Николаевна
Берберова

Иван Матвеевич
Келле-Шагинов

Известная российская эмигрантская писательница Нина Берберова, характеризуя Нахичеван начала XX века, куда она приезжала в детстве и в юности в гости к семье деда по отцовской линии, в своих мемуарах «Курсив мой» отметила существование в городе двух групп аристократии – денежной и интеллектуальной. Эта характеристика представляется вполне адекватной для времени и места деятельности героя нашей книги Серафима Христофоровича Арутюнова. А его самого по праву можно отнести к ярким представителям нахичеванской интеллектуальной аристократии.

С. Х. Арутюнов родился в семье небогатого нахичеванского аптекаря и, по словам одного из биографов, «детство провел в нужде». Известный дореволюционный нахичеванский и ростовский общественный деятель И. М. Келле-Шагинов (1853 – 1932) в своих мемуарах «Моя единственная жизнь» отмечал, что находился этот аптекарский магазинчик неподалеку от городского базара, дохода особого не приносил, но, тем не менее, сына своего аптекарь отправил учиться в городское училище. Келле-Шагинов замечает это, то ли немного завидуя, то ли удивляясь тому, что ему, сыну преуспевающего купца, отчего-то долго учиться не дали: после трех лет занятий в частном пансионе Э. Виссора отправили работать в ростовский галантерейный магазин, принадлежавший семье. Впрочем, недоумевать по этому поводу не стоит – мальчик, умевший бойко объясняться по-французски, не только привлекал в магазин поку-

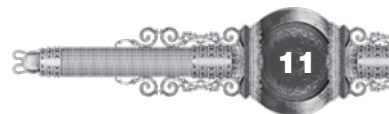
Нахичеван.
Купеческий банк

пателей, по большей части из числа местных дам, но и способствовал росту продаж предлагавшихся товаров.

Равным образом не вызывает удивления и факт последовательного преодоления аптекарским сыном Серафимом Арутюновым всех ступеней образования. Включая высшее! В России эпохи Александра II выходцу из малообеспеченной среды городских разночинцев можно было достигнуть приличного социального статуса и достойного материального положения только путем получения среднего – а лучше высшего – образования. Способности же у мальчика для получения оных были, и, видимо, ярко выраженные, если на него, ученика Нахичеванского городского училища, обратил внимание во время одного из своих визитов в Нахичеван сам архиерей Нахичевано-Бессарабской епархии Габриэл (Каприел) Айвазовский. С протекцией последнего Серафим Арутюнов и поступил в Халибовское армянское училище в Феодосии, где получил среднее образование.

А вот уже высшего образования он достиг благодаря собственным усилиям, без чьей-либо помощи. Окончив обучение в Феодосии, поступил в Нежинский юридическом лицее им. князя А. А. Безбородко. Затем, выдержав вступительный экзамен в Московский университет, поступил на факультет правоведения. Все сложности учебы малообеспеченного, или, как тогда говорили, «недостаточного», студента им были испытаны в полной мере... беготня из дома в дом по частным урокам, переписывание бумаг, иногда – гонорары за публикации в московских газетах. Завершил он свое образование в Юридическом лицее имени князя Безбородко (город Нежин), получив таким образом достойное образование самого высокого ранга. С 1871-го по 1873 год, то есть около двух лет, молодой юрист Арутюнов служил в Судебной палате поначалу в Москве, потом в Петербурге, где ожидал назначения на должность. Однако, состоя кандидатом на получение должности, понял, что эта карьера его не привлекает. Данный факт отмечали в своих воспоминаниях и многолетние сотрудники Серафима Христофоровича по газете «Приазовский край». Так, Незнамов*, один из первых его биографов, автор обстоятельного очерка о многогранной общественной деятельности Арутюнова в Нахичеване, писал: *«Обладая солидным багажом юридических познаний, присмотревшийся уже к жизни, он стремился на арену открытой общественной работы, где он мог бы применить свои и жизненные, и юридические познания в большем масштабе».*

Московский императорский университет

*Незнамов, по нашему мнению, это явно псевдоним некоего журналиста, близко знавшего Серафима Христофоровича. Однако расшифровать этот псевдоним нам не удалось.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЙ НАХИЧЕВАН

Раздумья нашего героя о дальнейшем жизненном пути совпали во времени с серьезными преобразованиями на его «малой родине», в Нахичеване-на-Дону. В 1872 году, как и во всех прочих российских городах, здесь было введено Городовое Положение 1870 года: вместо упраздненного магистрата были учреждены такие организации, как всесословная городская дума, городская управа, а также должность городского головы.

В Нахичеване первым городским головой по Городовому положению 1870 года стал Е. Г. Ходжаев, успешный коммерсант, человек расчетливый и дальновидный. Он хорошо сознавал, какой объем работы предстоит проделать при демонтаже старой системы городского управления и создании новых форм городского хозяйства. Еще, похоже, понимал, что необходимо время для адаптации к новым условиям самих нахичеванцев, уже начавших выражать ропот и несогласие по поводу новаций.

Вновь избранному нахичеванскому городскому голове был нужен в городской думе деловой, энергичный, грамотный помощник, способный разобраться и в духе, и в букве сложного российского законодательства эпохи реформ. К тому же он должен был уметь толково излагать решения и ходатайства городского самоуправления и устно (в общении с населением), и письменно (в общении с администрацией – краевой и столичной). Таких людей среди избранных нахичеванских гласных Ходжаев, похоже, не нашел. Но у него была возможность пригласить на должность секретаря городской управы специалиста со стороны. Такого специалиста он и увидел в лице «столичного нахичеванца» С. Х. Арутюнова. Серафим Христович приглашение принял и в 1873 году вернулся в родные края.

Нахичеван.
Здание магистратуры

Где же располагался этот магистрат? Изначально он был построен на Бульварной площади, 10. Ныне это площадь Свободы в Нахичевани. И это здание было одним из первых капитальных сооружений Нахичевани конца восемнадцатого века. Интересно, что здание магистрата Нахичевани сохранилось до наших дней с некоторыми изменениями, что само по себе можно считать уникальным фактом.

Георгий Багдыков

ДЕЛА ДУМСКИЕ – МУНИЦИПАЛЬНЫЕ

Наиболее существенные изменения в жизни нахичеванцев произошли, как представляется, в 1870-х годах в связи с проведением реформы городского самоуправления и введением всесословной воинской повинности. Вместе с армянским магистратом ушли в прошлое судебные права этого учреждения, прекратилось действие правовых норм особого судейника, по

которому жили нахичеванские армяне со времен прихода в 1799 году по Указу Екатерины II из Крыма на донские земли. Отныне все судопроизводство, и гражданское и уголовное, происходило только на основе общеимперского законодательства. В судебном отношении город и его округа оказались в ведении сначала Таганрогского, а с 1910 года – Ростовского окружного суда.

Распространение всеобщей воинской повинности и ликвидация дарованной еще Екатериной II льготы по освобождению донских армян от военной службы была воспринята нахичеванцами самым болезненным образом. И. М. Келле-Шагинов вспоминал, что *«из всех реформ панику на нахичеванцев навела всеобщая воинская повинность»*. По свидетельству историка Е. А. Шахазиза, эта новация оказалась единственной, введению которой в их быт нахичеванцы попытались протестовать. Вот что писал Ерванд Акимович об этом: *«Переселенцы, чтобы сохранить последнюю привилегию, не довольствуясь официальными записками и прошениями, послали даже депутацию в Петербург и напомнили о пожалованном им императрицей Екатериной в 1779 г. Указе, но, конечно же, ничего не добились, так как закон был общий и нельзя было делать исключения для одних нахичеванских армян»*.

С. Х. Арутюнов, вернувшись в 1873 году в родной город, оказался на самом пике решения проблем подготовки к введению всеобщей воинской повинности. Его работа как секретаря городской управы началась с образования при ней воинского отдела, который должен был заниматься призывом жителей города на военную службу. Работа по организации отдела сопровождалась сложной и очень значимой разъяснительной деятельностью относительно сути и значения всеобщей воинской повинности.

Незнамов отмечал: *«Вся тяжесть этой работы была взвалена на плечи С. Х., который, не щадя своих сил, отказывался зачастую от вполне заслуженного отдыха, блестяще выполнил порученную миссию, чем и привлек к себе симпатии всех кругов населения»*.

Нет прямых свидетельств о том, как именно, какими доводами удавалось ему нейтрализовать панические ожидания горожан, обеспокоенных судьбой своих сыновей, подлежащих призыву. По прошествии немалого количества лет сотрудники и сограждане Арутюнова отмечали его умение говорить убедительно и без дешевой демагогии, приводить собеседнику весомые аргументы, мобилизуя свое знание бытовых особенностей своего народа, свой житейский опыт и глубокие юридические познания.

Ерванд Акимович
Шахазиз, первый
историк Нахичевана

Есть косвенные подтверждения успешной работы Серафима Христофоровича по созданию при управе воинского отдела. И. М. Келле-Шагинов вспоминал, что первый призыв новобранцев по новому уставу о воинской повинности прошел в городе весьма успешно. А на муниципальных выборах 1876 года Серафим Христофорович был впервые избран гласным нахичеванской думы. По словам Незнамова, избрали Арутюнова «огромнейшим большинством голосов городских избирателей».

До 1892 года городскому жителю достаточно было платить налог, причем необязательно на недвижимость или торгово-промышленные предприятия. Для получения ценза хватало и квартирного налога на снимаемую в городе квартиру. Именно такой ценз имела в эти годы большая часть городской интеллигенции, служившей или принадлежавшей к так называемым лицам «свободных профессий». Неизвестно, по какому цензу избирался С. Х. Арутюнов гласным городской думы в 1876 – 1892 годах. Однако с введением Городового Положения 1892 года избраться можно было лишь по имущественному цензу. Недвижимости в Нахичеване он не имел, о чем свидетельствуют данные о принадлежавшем ему имуществе в ходатайстве 1895 года об учреждении Донского акционерного общества печатного и издательского дела. Видимо, избирался он по цензу супруги, что допускалось имперским законодательством. Елене Никитичне Арутюновой в Нахичеване принадлежал дом, который в 1910-х годах оценивался в 10,5 тысячи рублей. Замечу, кстати, что это одна из составляющих очень скудных сведений о семье Серафима Христофоровича. Ни один из мемуаристов о семье С. Х. Арутюнова не сообщает, поэтому информация очень скудная, и находила я ее при работе над темой по крупицам и по случаю. Так, о том, что у редактора «Приазовского края» было двое сыновей, мне довелось узнать из телеграммы соболезнования по случаю кончины С. Х. Арутюнова.

Сюжет о муниципальных выборах рассматриваемой эпохи не уходит в сторону от избранной темы, а работает на нее. В течение всей своей трудовой деятельности в Нахичеване Серафим Христофорович оставался муниципальным работником, при этом до 1910 года сохранял за собой (с небольшими перерывами) должность секретаря городской думы и управы. Следовательно, в муниципальных выборах он регулярно участвовал. Вряд ли он занимался рутинной работой: составлением списка выборщиков и проверкой их цензов, публикацией списков, рассылкой

пригласительных повесток и прочее. Определенно он был организатором этой работы, контролировал ее.

Стоит отметить, что во всех избирательных собраниях, сколь бы многочисленными и продолжительными они ни были, обязательно должен был присутствовать секретарь управы. Любопытное свидетельство этому сохранилось на страницах «Приазовского края». Документ под названием «Объяснение нахичеванской городской управы» был написан и даже опубликован в связи с жалобой группы избирателей на итоги выборов в нахичеванскую городскую думу, прошедших 18-19 апреля 1909 года. Группа, называвшая себя «русскими домовладельцами», не сумела провести своих кандидатов в гласные и попыталась опротестовать выборы. Несмотря на то, что обоснованных примеров нарушения процедуры выборов жалобщики привести не смогли, а кое-какие даже придумали, градоначальнику их протест был подан. Тот затребовал от городской управы объяснения.

Не вдаваясь в подробности опровержения выдвинутых жалобщиками обвинений, отмечу, что документ, судя по аргументированности возражений, написан С. Х. Арутюновым. При этом из текста можно узнать, например, что составление списков кандидатов для голосования затянулось до двух ночи следующего дня; что жалобщики посчитали нарушением избирательной процедуры даже факт пребывания секретаря управы 19 апреля в зале для голосования. Между тем С. Х. Арутюнов находился в зале *«лишь по долгу службы и по настоянию городского головы»*, не вполне оправившись *«после серьезной и продолжительной болезни»*. Видимо, К. М. Попову, впервые руководившему избирательным собранием в роли городского головы, комфортнее было вести собрание, понимая, что рядом с ним находится многоопытный в ведении такого рода дел Серафим Христофорович. Если учесть попытку опротестовать итоги выборов и саму пространную объяснительную записку, то городской голова проявил в данном случае завидную предусмотрительность.

Самому Арутюнову, работавшему с таким напряжением на выборах (для него последних не только как для секретаря управы, но и как для избранного гласного), можно только посочувствовать. Ростовский градоначальник и Особое по городским делам присутствие с доводами объяснительной записки нахичеванской управы согласились. Жалоба группы русских избирателей – здесь уместно употребить канцеляризм эпохи

– «осталась без последствий». Таким образом, событие, запечатленное фотографом в нахичеванской городской думе в 1913 году, повторялось регулярно и было неотъемлемой частью жизни С. Х. Арутюнова.

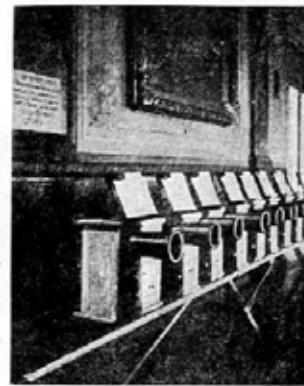
НА БЛАГО ОБЩЕСТВА – ВО ИМЯ ЛЮДЕЙ

Вторая сфера деятельности С. Х. Арутюнова – работа по реализации ряда общественных инициатив социокультурного характера – оказалась в центре его внимания и усилий примерно с рубежа 1870 – 1880-х годов. К этому времени новые формы организации городского хозяйства вполне сложились и соответствовали принципам проведенной городской реформы. Думскому гласному и секретарю управы можно было бы в это время несколько снизить темп работы, чередовать трудовые усилия с отдыхом, подумать о здоровье. Но личностные приоритеты, стремление к служению на благо обществу, сложившиеся в начальный период реформ Александра II у многих представителей молодого поколения, побуждали людей формации 1860-х годов к активной деятельности. Заметим, что для самого Серафима Христофоровича 1860-е годы пришлось на время отрочества и юности, обучения в средней и высшей школах. Эпоха от-

Выборы гласныхъ въ нахичеванскую на Дону городскую думу на четырехлѣтіе 1913—1917 года.

Подача бюллетеней.

Баллотировочные ящики передъ выборами

тепели и социальных новаций не могла не повлиять на его жизненную позицию и устремления. Большинство проектов, в реализации которых Арутюнов стал главной движущей силой, было связано с созданием образовательных учреждений разного типа, что подчеркивает особую значимость для него просветительских целей и задач.

Об осуществлении этих инициатив речь пойдет ниже, но предварительно хочется отметить, что в ходе реализации проектов, возникавших один за другим, Серафим Христофорович демонстрировал блестящие интеллектуальные способности и солиднейший багаж знаний. Он с высоким профессионализмом составлял ходатайства, пояснительные записки и пакеты документов, необходимые для открытия того или иного учреждения. Если необходимо было, то делал это сразу на двух языках – русском и армянском,

«На ваши доклады в Петербурге обращают особенное внимание», – подчеркнул при личной встрече с Арутюновым в 1880-е годы И. Н. Дурново, в то время екатеринославский губернатор, а впоследствии министр внутренних дел России. Эта оценка приведена в интерпретации Незнамова. Можно было бы в достоверности ее усомниться, но практически о том же читаем в воспоминаниях И. М. Келле-Шагинова. Он, отмечая *«талантливое составление бумаг»* С. Х. Арутюновым как секретарем городской думы, пишет в своих мемуарах: *«Его докладные записки в высшие сферы по ходатайствам города останавливали внимание сильных мира сего и достигали цели»*. Но подготовка пакета документов по каждому из проектов – это лишь одна сторона усилий С. Х. Арутюнова.

Другая сторона заключалась в энергичных личных действиях по воплощению в жизнь подготовленных проектов. Арутюнов умел, преодолевая массу всевозможных препятствий, добиваться желаемой реакции на инициативы и предложения, им поддерживаемые, как от конкретных людей, так и от властных структур различного уровня. Незнамов весьма ярко описал этот аспект работы героя своего очерка: *«..мог Серафим Христофорович благодаря своему спокойствию, тактичности и способности во всеоружии своих знаний, на глазах всех открыто... и честно лопнуть в закрытую дверь до тех пор, пока она не откроется перед ним»*.

Первым проектом, к работе над которым привлекли молодого секретаря нахичеванской городской думы, было преобразование Армянского духовного училища в духовную семинарию с целью подготовки более квалифицированных священнослужителей. Проект был поддержан

Иван Николаевич Дурново, губернатор Екатеринославской губернии, позже глава Министерства внутренних дел Российской империи

Нахичевано-Бессарабской епархией Армянской Апостольской церкви, а ее глава владыка Макарий даже специально прибыл в Нахичеван для работы над ним. Однако работа продвигалась медленно. Следовало не только подготовить устав будущего учебного учреждения, но и разработать учебный план и программы учебных курсов. Содержание их должно было удовлетворять требованиям Армянской церкви к своим священникам, учитывать культурно-бытовые особенности донских армян и, что было исключительно важно для претворения проекта в жизнь, не противоречить общероссийскому положению о духовных семинариях. Необходимо было отыскать человека, способного учесть все эти требования при подготовке пакета документов для преобразования училища.

По совету некоторых представителей местного духовенства глава епархии привлек к этой работе С. Х. Арутюнова. Последний с присущей ему энергией подключился к созданию учебного плана и программ, отводя для составления документов часы, предназначенные для досуга. *«Результаты этой работы, – повествует Незнамов, – не замедлили сказаться: разработанный план преобразований был признан в подлежащих сферах приемлемым и на месте прежнего духовного училища вскорости была воздвигнута семинария».*

За следующий проект – образование Церковного попечительства о бедных армянах – Арутюнов взялся, видимо, по собственной инициативе. После упразднения магистрата осталась немалая сумма денег, завещанных городу зажиточными нахичеванцами на просветительские и благотворительные нужды. Денег накопилось примерно полмиллиона, однако распорядиться этим мертвым капиталом оказалось некому. Но выход был найден! Было принято решение об образовании нового юридического лица, которое наделялось бы правом распоряжаться завещанными деньгами согласно воле ушедших из жизни горожан.

Естественно, для выполнения такой задачи требовалось высоко-профессиональное правовое обоснование как для нового юридического лица, так и для его права распоряжаться «замороженными» средствами. Герою нашего рассказа и эта задача оказалась по плечу, и возможно, исходя из реалий нахичеванской жизни 1880-х годов, только ему и была под силу. Разработанный Арутюновым устав Церковного попечительства о бедных армянах был утвержден царскими властями. Затем последовало и высочайшее разрешение передать в распоряжение Церковного попечительства все суммы, завещанные городу до 1872 года.

Поспособствовав реализации воли целой группы завещателей-нахичеванцев, Сергей Христофорович занялся еще одним завещанием – делом не менее сложным и щекотливым. К середине 1880-х годов муниципальные и общественные деятели Нахичевана отчетливо сознавали необходимость развития в городе женского образования. Существовало также и соответствующее завещание нахичеванского купца Никиты Христофоровича Гогоева (Мкртыча Христофоровича Гогояна), которым были выделены деньги на «*учебное заведение для армянских девиц*». Но условиями завещания поставлены были и препятствия на пути открытия этого училища. Во-первых, доходом с капитала, выделенного на образование школы, пользовалась вдова завещателя, и город мог получить эти деньги только после ее кончины. Во-вторых, завещатель точно обусловил не только тип училища, которое следовало открыть, но и почти всю его образовательную программу.

Серафим Христофорович первым предложил вступить в переговоры с вдовой завещателя, убедить ее в необходимости скорейшего открытия на благо города учебного заведения, задуманного ее покойным супругом. Инициатива эта была поддержана. Начались переговоры, в которых приняли участие городские общественные деятели. Их итогом стало заявление госпожи Гогоевой об отказе от своего права на доходы с завещанного капитала и о желании, чтобы школа для армянских девиц была открыта при ее жизни.

Второе условие завещателя преодолеть было много сложнее. Обусловленную им образовательную программу следовало согласовать с учебными планами и курсами школ Министерства просвещения России, что требовало эрудиции, опыта и кропотливой напряженной работы. Требовалась также и поддержка губернской администрации в реализации столь неординарного образовательного проекта. Екатеринославский губернатор И. Н. Дурново в связи с вопросом о Гогоевском училище сам прибыл в Нахичеван и провел здесь несколько недель. Именно в это время произошла личная встреча его с С. Х. Арутюновым, который представлялся начальнику губернии в качестве секретаря нахичеванской городской управы. Будущий глава Министерства внутренних дел Российской империи принял Серафима Христофоровича весьма любезно,

Нахичеван. Гогоевская женская гимназия

высоко отозвался о документах, выходящих из-под его пера, и тут же поручил ему провести работу по составлению учебных программ и плана для будущего Гогоевского училища.

Подобный опыт согласования нестандартного учебного плана с типовым у С. Х. Арутюнова уже имелся. Необходимый пакет документов для открытия школы он подготовил блестяще. Последовало разрешение императора на досрочное выполнение воли завещателя, и Гогоевское училище для армянских девиц вскоре открылось!

Между тем сложившееся приятное отношение И. Н. Дурново к С. Х. Арутюнову оказалось позже весьма полезным для Нахичевана при решении вопроса о создании армянского ремесленного училища. Вопрос об открытии училища потребовал длительного согласования позиций епархии и столичных ведомств, так как они имели серьезные разночтения. Арутюнову пришлось извести гору бумаги, составляя ходатайства на армянском языке для епархиального начальства и на русском – для министерства. Завершение продолжительной бюрократической волокиты Незнамов резюмировал следующим образом: *«И если открытие этого училища в конце концов было разрешено, Нахичеван обязан этим, с одной стороны, умному и упорному домогательству С. Х., с другой – бывшему екатеринославскому губернатору И. Н. Дурново, который в то время, будучи призван на высокий пост Министра внутренних дел, весьма благосклонно и с полным доверием относился к работе, выходявшей из-под пера Серафима Христофоровича».*

Открытие с участием Арутюнова образовательных и благотворительных учреждений сопровождалось вовлечением его в попечительство над ними. Такого рода общественная работа требовала и внимания, и времени. Ряд лет он входил в попечительский совет духовной семинарии, а в аналогичный совет Церковного попечительства о бедных армянах избирался до конца жизни.

Впрочем, по мере превращения вопроса о развитии школьного образования в один из основных в деятельности городского самоуправления Серафим Христофорович все более занимался им не на общественных началах, а как секретарь управы и думский гласный и по праву считался в городе главным специалистом по этой теме.

Однако не только в вопросах организации школ разного типа он считался специалистом в Нахичеване. Самый поздний по времени муни-

ципальный проект, который он успешно осуществил, – это обоснование ходатайства думы о переводе города из первого разряда во второй по обложению государственным и земским налогами. Городская дума ходатайствовала об этом неоднократно и безуспешно. Наконец именитые нахичеванские купцы уговорили Серафима Христофоровича заняться обоснованием очередного и, очевидно, последнего подобного ходатайства. В течение полугода Арутюнов работал со статистикой податных (налоговых) инспекторов Донской казенной палаты, группируя ее, проводя сопоставления с соседним Ростовом по коммерческим оборотам, ценности и доходности городской недвижимости, и прочее. Ему удалось аргументированно доказать, что неправомерно относить Нахичеван к тому же разряду по налогообложению, что и Ростов. Новое ходатайство Нахичеванской городской думы отправили в столицу, и в 1909 году желаемое налоговое послабление город, наконец, получил.

ПОЧЕТНЫЙ МИРОВОЙ СУДЬЯ

Прежде чем перейти к описанию главного дела жизни Серафима Христофоровича – создания и развития большой краевой газеты, воспитания и просвещения ее читателей, – нужно отметить еще один аспект его деятельности в родном городе, которому было отдано ни много ни мало двадцать лет жизни. Именно столько времени он избирался почетным мировым судьей. Прилагательное «почетный» означало, что исполнение им в случае необходимости обязанностей нахичеванского участкового мирового судьи было безвозмездным. А такая необходимость возникала неоднократно за двадцать лет подобного общественного служения. Впрочем, некоторую статусную компенсацию Серафим Христофорович за свои судейские труды заслужил, получив чин статского советника и став, по его собственной характеристике, «немножко генералом». Именно так он обозначил свой статус одному из сотрудников «Приазовского края» при знакомстве с последним, который, обращаясь к редактору, произнес почтительно «ваше превосходительство».

Газета «Приазовский край» издавалась в Ростове-на-Дону с 1891-го по 1920 год и перестала выходить в свет лишь после окончательного установления на Дону советской власти.

Первый номер ежедневной «политической, экономической и литературной газеты» (именно так был определен ее тип основателем и первым издателем) вышел в свет 1 сентября 1891 года.

СЪ 1го СЕНТЯБРЯ СЕГО 1891 ГОДА,
будеть выходить, въ Ростовѣ на Дону, ежедневная
(два номера и четыре прибавленія въ недѣлю)
ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ“

въ форматъ больших провинціальныхъ газетъ и по программѣ, раздѣленной на отдѣлы:

- I. Распоряженія Правительства и мѣстной администраціи.
- II. Телеграммы Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства и собственныхъ корреспондентовъ. Отдѣлъ этотъ будетъ распростира въ „Приазовскомъ Краѣ“ до раздѣловъ станицахъ и большихъ провинціальныхъ газетъ. Краѣмъ телеграфна перекрѣпленія, редакція будетъ пользоваться телеграммами спеціальными и коммерческими объ операцияхъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ.
- III. Руководящія статьи по вопросамъ: городского, сельского, стачечнаго и массоваго хозяйства; объ экономическомъ и торгово-промышленномъ развитіи приазовскаго края, Донецкой и Кубанской областей, а также статьи, спеціально посвященныя военному дѣлу Донецкаго и Кубанскаго казачества и статьи по внѣшней политикѣ.
- IV. Иностранная пресса и краткія свѣдѣнія объ политической, экономической и общественной жизни западныхъ государствъ Европы и другихъ частей свѣта.
- V. У чѣмъ искать. Поддержка изъ руководящихъ статей русскихъ и иностранныхъ писателей и журналовъ съ краткими прибавленіями редакціи.
- VI. Забытыя дѣла. Краткія свѣдѣнія безпартійнаго характера о фактахъ и явленіяхъ повсемѣстной жизни.
- VII. Общая хроника. Малкія записки и сообщенія изъ жизни русскихъ городовъ и египетовъ.
- VIII. Мѣстная хроника. Факты, событія и явленія изъ мѣстной жизни; рефераты русскихъ и студобныхъ записокъ; отчеты о собраніяхъ и мѣстныхъ земляхъ обществъ, помѣщичьихъ пріемственнѣй и т. п. свѣдѣнія.
- IX. Театръ и искусство. Разборъ выдающихся драматическихъ, музыкальных и художественныхъ произведеній. Ревюны объ ирѣ артистовъ, а также сообщенія о возмѣненіяхъ въ наукѣ, промышленности, искусствѣ, такъ и иностранныхъ писателей, музыкантовъ и художниковъ.
- X. Корреспонденціи изъ городовъ, станицъ, селъ и колоній приазовскаго края, Донецкой и Кубанской областей. Для болѣе широкаго развитія этого отдѣла, редакція пошла въ непосредственнаго сношенія съ лицами, ей лично извѣстными, приглашая на себя обязанности корреспондентовъ. Краѣмъ того, редакція организована отдѣлами: въ Таганрогѣ, изъ котораго выйдетъ, кроѣмъ Таганрога, города: Азовъ, Велья, Бахмутъ и Луганскъ; въ Новочеркасскѣ, для всей Донецкой области; въ Мариуполѣ, изъ района, котораго выйдетъ Юзовка и Бахмутскій уѣзды; въ

Бердянскѣ и Екатеринодарѣ. Замѣчательныя названія отдѣленія восточно-кавказскаго, лично редакціи извѣстны.

XI. Фельетоны. Отдѣлъ фельетоновъ въ газетѣ будетъ весьма разнообразенъ. Краѣмъ фельетоновъ безпартийнаго содержания (романы, повѣсти, рассказы, стипотворенія и проч.), одѣтъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, будутъ появляться фельетоны „масса извѣстъ“ заведенія (повѣданія), посвященныя явленіямъ общественной жизни. Изъ этого-же отдѣла будутъ отведены мѣсто матеріаламъ по исторіи и этнографіи городовъ и станицъ приазовскаго края, Донецкой и Кубанской областей.

XII. Мелочи. Сказы, курьезы, шутки, анекдоты и ярлыки.

XIII. Торговля и биржа. Въ виду торгово-промышленнаго значенія края, редакція прилагаетъ всѣхъ усилія, чтобы торговый отдѣлъ въ газетѣ былъ, по возможности, полный. Краѣмъ курсовыхъ телеграммъ, въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться подробныя свѣдѣнія о цѣнахъ на главные продукты отечественной и иностранной торговли, свѣдѣнія объ отечественныхъ товарахъ и иностранныхъ купцовъ по экспорту продуктовъ; свѣдѣнія о фрахтахъ и тарифахъ за перевозку грузовъ; статьи на предметъ первой необходимости на мѣстныхъ базарныхъ рынкахъ и свѣдѣнія о грузахъ, закупаемыхъ по явнымъ наибольшимъ ценамъ и пародовымъ съ валютенныхъ валютныхъ.

XIV. Справочный листокъ. Свѣдѣнія о времени прихода и отхода пароходовъ желѣзныхъ дорогъ и пародовыхъ метеорологическаго наблюденія, судобной указателя о цѣнахъ, вывѣсочныхъ къ суданію въ Таганрогскомъ и Новочеркасскомъ окружныхъ судахъ, въ Таганрогскомъ Коммерческомъ судѣ, въ Ростовскомъ Судѣ Маринской Судей и въ Харьковской Судобной Палатѣ по отдѣлку Таганрогскаго, Новочеркасскаго и Усть-Медвѣдскаго окружныхъ судовъ; артачка и проч.

XV. Объявленія и рекламы будутъ печататься въ „Приазовскомъ Краѣ“ на вѣтъ являясь по такелъ: за объявленія на 1 стр. газеты по 20 к. за строку, наименьшую легитимъ, въ первый разъ, и по 10 к. отъ строки, за каждой строчкой, за всѣ послѣдующіе разы; за востановленіе строчекъ по 8 к. за строку, наименьшую легитимъ, въ первый разъ, и по 5 коп. отъ строки за всѣ послѣдующіе разы. Мѣсячнымъ и годовымъ объявленіямъ дѣлается скидка. За приложенія къ газетѣ 8 руб. отъ каждой тиражи. Въ томъ-же отдѣлѣ, на 4 строчк. за руб. рубрикой „серія и предоплате“ будутъ помѣщаться объявленія домашней прислуги и всякаго рода работъ съ платой по 30 коп. за каждое объявленіе до 5 строчекъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:			
БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ.		СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ.	
На годъ	- - - - - 8 руб. —	На годъ	- - - - - 9 руб. —
На полгода	- - - - - 4 > 50 коп.	На полгода	- - - - - 5 >
На 3 мѣсяца	- - - - - 2 > 25 >	На 3 мѣсяца	- - - - - 2 > 75 коп.
На 1 мѣсяць	- - - - - > 80 >	На 1 мѣсяць	- - - - - 1 > —

Отдѣльные номера 5 коп.

Подписка на газету и объявленія принимаются въ Главной Конторѣ газеты, въ Ростовѣ на Дону, Большая Садовая, д. Генчъ-Оглуева, гдѣ Типо-Литографія Арутюнова, и въ отдѣльныхъ конторахъ:

Въ Харьковѣ. Еватериносъ. ул., складъ: Въ Мариуполѣ. Контора типо-литографіи и книжный магазинъ „Новаго Времени“. Въ Новочеркасскѣ. книжный магазинъ А. А. Франтова.
— Таганрогъ. Петровская ул., домъ № 60. — Бердянскъ. Контора типо-литографіи и книжный магазинъ Эдгера.
— Екатеринодаръ. Красная улица, книжный магазинъ Галаджаянца.

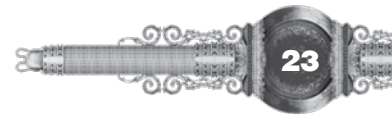
Подписка въ настоящее время принимается на 4 мѣсяца, съ 1 Сентября 1891 г. по 1 Января 1892 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 4 мѣсяца безъ доставки 3 руб., съ доставкой и пересылкой 3 руб. 50 коп.

ОТЪ СВѢДѢНІЯ ОБЪЯВИТЕЛЕЙ.

Первые номера газеты будутъ отпечатаны въ количествѣ не менѣе 10,000 экземпляровъ и будутъ разосланы по добитымъ конторою адресамъ и черезъ посредство ей отдѣльныхъ лицамъ, учрежденіямъ и торгово-промышленнымъ заведеніямъ края безплатно. Поэтому, желающіе помѣститься въ этихъ номерахъ свои объявленія благоволятъ обратиться со своими заказами заблаговременно въ Контору Газеты или въ мѣстныя отдѣленія ея, по указаннымъ выше адресамъ.
Телефонъ конторы № 240.

За Редактора Издатель С. Арутюновъ.

«ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ». НАЧАЛО

Существуют разные версии рождения этого примечательного во всех отношениях периодического издания. Одна из них принадлежит Николаю Георгиевичу Мардарьеву, проработавшему в газете довольно долго и, согласно его собственному заявлению, чуть не ставшему ее редактором. В Ростове Николай Мардарьев работал цензором. Начало этой его службы определяется четко: 1902 год – время учреждения должности особого цензора для Ростова. Как долго оставался он цензором, сам Николай Георгиевич не указал. Некоторые пояснения по этому вопросу находим в «Южном телеграфе», в перечне повременных изданий, существовавших в Ростове в 1902–1912 годах. Здесь отмечено, что в 1906 году в городе выходила «газета «Союз», под редакцией г. Мардарьева, которая и скончалась в 1906 году». (По М. Б. Краснянскому, эта газета издавалась еще какое-то время и в 1907 году.) Следовательно, в 1906 году он явно не был уже инспектором по делам печати. Описывая свою работу в «Приазовском крае», Николай Георгиевич отметил, что в 1908 году стал секретарем редакции, а с августа 1911 года фактически редактировал газету. Однако назначение его заведующим редакции не состоялось. Главное управление по делам печати проинформировало местную администрацию о том, что претендовать на редактирование газеты г. Мардарьев не имеет права как человек, находящийся под следствием. Видимо, были какие-то огрехи по цензорской службе, скорее всего, в период первой российской революции.

Н. Г. Мардарьев полагал, что появление газеты «Приазовский край» было вызвано к жизни теми успехами, которых достиг город Ростов-на-Дону к концу XIX века. Расширились культурные запросы его жителей, проявились ростки общественной самодеятельности. Он писал: «Ростов... приобретал все более тесную связь с краем, постепенно закрепляя за собой экономическое и культурное влияние на ход его жизни». Газеты, которые ограничивались публикациями телеграмм столичного новостного агентства и местной ростово-нахичеванской хроникой, не могли удовлетворить такую потребность. Возникла необходимость в открытии периодического издания, взявшего бы на себя функции обслуживания широкого спектра интересов населения как города, так и края в целом, тяготевшего к нему экономически. Эту задачу и намеревался

Николай Георгиевич
Мардарьев

Абрам Борисович
Тараховский

Абрам Борисович Тараховский (Шиллер из Таганрога) (1866–1920), многолетний сотрудник газеты «Приазовский край», в 1919 году ее редактор. Дружеский шарж.

решить создатель «Приазовского края» Серафим Христофорович Арутюнов.

Версия Мардарьева объясняет, почему Арутюнов основал газету в Ростове, а не в Нахичеване или в Новочеркасске, административном центре Донской области. Невыясненным остается вопрос о том, почему успевший столь многое сделать для социокультурного развития Нахичевана-на-Дону муниципальный и общественный деятель, будучи человеком зрелым и состоявшимся, вдруг решил стать издателем и редактором большой ежедневной газеты. Да еще и рискнул при всем этом своим материальным достатком, достигнутым с таким трудом.

Несколько иную версию представил А. Б. Тараховский, многолетний (с 1896 года) сотрудник газеты, позднее – член ее редакции, а затем еще и член правления Донского акционерного общества издательского и печатного дела, заместитель председателя этого общества. В очерке, посвященном 25-летию «Приазовского края» и названном «Четверть века на страже общественных интересов», он изложил сведения, полученные им от С. Я. Краева, первого заведующего редакцией «Приазовского края».

Рассказ А. Б. Тараховского звучит эпически. Кто придумал ему черты мифа – первый рассказчик или интерпретатор, неизвестно, но привкус эпопеи ощутим. Краев работал в газете в городе Вильно, поссорился с тамошним издателем и оказался без работы. Решил ехать на Кавказ, предполагая найти там обширное поле деятельности для провинциального журналиста. Денег хватило лишь на дорогу до Ростова, где он вынужденно и осел.

«Но я увидел большой город, живой, бойкий, с несомненным блестящим будущим, и несказанно удивился. Ни в городе, ни в крае нет газеты! И вот я решил: останусь здесь, буду голодать, буду оббивать пороги, кланяться в ноги капиталистам, но добьюсь издания ежедневной газеты.... Мне повезло. Сказали мне, что здесь есть человек, который охотно пойдет навстречу моим намерениям. Это Серафим Христофорович Арутюнов. Человек образованный, культурный, с обширными связями, к тому же у него и типография своя есть. Пошел я к С. Х. Изложил свои планы, намерения, указал все возможности. Но оказалось, что много и говорить не надо было. С. Х. и сам уже мечтал о газете, только все никак не мог найти подходящего помощника. В Ростове тогда нетрудно было найти хорошего адвоката, или доктора, или бухгалтера, но где же здесь

найдете вы не только хорошего, а даже просто газетного работника? И вот – сказано – сделано».

Версия С. Я. Краева – А. Б. Тараховского фиксирует примечательные факты: первый – С. Х. Арутюнов на рубеже 1880–1890-х годов был готов издавать газету; второй – у него уже имелась типография в Ростове; третий – Краеву даже не пришлось его уговаривать начать новое ежедневное издание.

По сведениям Н. С. Амбарданова, знавшего Серафима Христофоровича как владельца типографии и служившего в ней корректором, мысль основать большую ежедневную газету возникла у него потому, что выходившие в Ростове газеты «мало удовлетворяли читающую публику и выпускались в ограниченном количестве и не ежедневно». Сам же Н. Амбарданов считал себя причастным к возникновению «Приазовского края». Именно он, познакомившись с С. Я. Краевым в одной из многочисленных ростовских кондитерских, организовал его встречу с С. Х. Арутюновым.

Типография, в которой служил Н. Амбарданов, первоначально была основана С. Х. Арутюновым в Нахичеване то ли в 1888-м, то ли 1889 году. В 1889 году он ходатайствовал о разрешении издавать газету «Южный листок», но не преуспел в этом. Хотя подобные газетный «Листки» уже существовали в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Оренбурге и других крупных городах России. То, что не удалось осуществить просвещеннейшему Серафиму Христофоровичу, получилось у выходца из станицы Верхне-Курмоярской казака Федора Калинича Траилина (1836–1919). Благодаря поддержке войскового наказного атамана князя Н. И. Святополк-Мирского и некоего служившего в Петербурге не названного Траилиным «донского генерала – покровителя печатному слову, как сам литератор», он оформил право на издание в Ростове газеты «Донское поле». Произошло это в том же 1889 году.

Неудача с получением разрешения выпускать газету была воспринята С. Х. Арутюновым как временная задержка на пути к поставленной цели. Задачи издания более или менее отчетливо он себе уже представлял. Оставалось ждать удобного случая для его начала.

В 1890 году Арутюнов перевел свою типографию в Ростов, в арендованные помещения.

«Листки» Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода

Федор Калинич Траилин

ТИПОГРАФИИ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАХИЧЕВАНЦЕВ В РОСТОВЕ

И. А. Тер-Абрамиан

И. Я. Алексанов

Уместно здесь вспомнить, что нахичеванцы основывали в Ростове второй половины XIX века не только крупные торговые предприятия. Они застраивали центр города дорогими доходными домами, способствуя формированию его оригинального и представительного облика. В отчете ростовской городской управы за 1884–1886 годы среди лиц, построивших в городе за три года большие каменные дома, указаны по крайней мере три жителя Нахичевана: Г. А. Мелконов-Езеков, И. А. Тер-Абрамиан и П. Х. Хазизов. Это не считая Я. С. Кушнарева, который с начала 1850-х годов жил и вел бизнес только в Ростове. Дома Г. А. Мелконова и И. А. Тер-Абрамиана оказались первыми капитальными зданиями на Большой Садовой, сооруженными вслед за закрытием Генеральной балки.

Одной из первых ростовских типографий, если не первой по времени открытия, была типография И. А. Тер-Абрамиана. Время ее основания разные авторы и определяют по-разному. Однако ко времени начала издания газеты «Донская пчела» (1876) типография уже существовала, поскольку в каждом ее номере изначала указывалось место производства – «скоропечатня» И. А. Тер-Абрамиана. Первоначально и типография, и редакция «Донской пчелы» располагались в арендованных помещениях. В 1886 году был построен принадлежавший И. А. Тер-Абрамиану трехэтажный доходный дом на Большой Садовой. Со времени постройки в нем помещались и редакция газеты, и типография.

С. Х. Арутюнова следует считать вторым нахичеванцем, типография которого стала работать в Ростове. Известно, что в 1896 году нахичеванец И. Я. Алексанов основал собственную типографию и начал печатать в ней «Южный телеграф» (пока еще не газету, а листок объявлений и новостных телеграмм). Примечательно, что он начал свою трудовую деятельность на ниве местной печати в качестве наборщика в типографии И. А. Тер-Абрамиана примерно в 1877 году. Сам И. Я. Алексанов считал, что в 1902 году он отметил свой 25-летний стаж работы в местной прессе.

Очевидно, что С. Х. Арутюнов перевел свою типографию в Ростов в надежде на благоприятный случай для начала издания большой ежедневной газеты, призванной просвещать краевого обывателя. Следует отме-

титель, однако, что цели просвещения преследовал и И. А. Тер-Абрамиан, редактор-издатель «Донской пчелы». Оценивая итоги первого года выпуска газеты, в номере от 2 января 1877 года он писал о том, что главная задача издания – «служить честно интересам общества и разъяснять ему его нужды и потребности». Решение задачи он ограничивал обществом двух городов – соседей Ростова и Нахичевана, для которых «важнее всех вопросов вопрос коммерческий, близко подходящий к условиям этих местностей». Это не исключало внимания газеты к другим сферам жизни общества: условиям наемного труда, действиям местной администрации, городского и земского самоуправления, новостным известиям Русского телеграфного агентства – российским и заграничным, рецензиям на книги и театральные постановки и проч. Таким образом, редактор-издатель в подписанной им передовой отчетливо обнаружил стремление формировать ростово-нахичеванское общественное мнение. Конечно, масштабы просвещения и воздействия были сформулированы не столь обширно и исчерпывающе, как впоследствии это было заявлено ответственным редактором «Приазовского края» на исходе первого десятилетия выпуска газеты. Но надо учитывать, что между заявлениями двух редакторов временная дистанция почти в четверть столетия, что Тер-Абрамиан был первым редактором-издателем стабильно выходившей в Ростове в течение пятнадцати лет газеты. Первым всегда труднее, да и желающих выявить то, что он, первопроходец, не смог сделать, всегда находится в избытке.

Доходный дом И. А. Тер-Абрамиана. Здесь же размещались редакция газеты «Донская пчела», типография, издательство и книжный магазин.

«С верой в благодетельную мощь печатного слова и готовясь отдать обществу свои силы и труд», излагал задачи «Южного телеграфа» в передовой от 25 августа 1902 года И. Я. Алексанов. После пяти лет мытарств, связанных с получением разрешения выпускать ежедневную полноформатную газету, у него появилась возможность освещать «все явления и вопросы, как создаваемые текущей жизнью, так и вытекающие из исторического развития Ростова-на-Дону и тяготеющего к нему по экономическим и торгово-промышленным связям района», руководствуясь следующими правилами: «только честность, правдивость и литературная чистоплотность».

Таким образом, трое нахичеванцев, основав типографии в Ростове в последней четверти XIX века, рассматривали их не просто как предприятия, выполнявшие заказы на печатную продукцию всех видов – от визитных карточек и настенных календарей до папиросных упаковок и фантиков для конфет. Типография рассматривалась каждым из них как обязательное условие успешного издания газет, влиявших на общественное мнение и способствовавших, в большей или меньшей степени, развитию местности, в которой они издавались. Видимо, вера в могущество печатного слова, о которой писал Алексанов, приступая к изданию «Южного телеграфа», была у всех троих издателей газет. Возможно, основывалась она на памяти о работе типографии, основанной Иосифом Аргутинским в Нахичеване в конце XVIII века.

Журналистские будни.
Карикатура начала
XX века

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЖИЗНИ

Возвратимся к С. Х. Арутюнову, ожидавшему благоприятного случая для начала издания газеты. Случай пришелся на год 1891-й. Газета, которую Ф. К. Трайлин основал как казачий орган печати и издавал на свои средства, вряд ли могла пользоваться успехом у читателей в большом торговом городе, каковым был Ростов в начале 1890-х годов. Не могло добавить популярности казачьему печатному органу и недавнее (с января 1888 года) административное присоединение Ростовского уезда Екатеринославской губернии с его тремя городами – центрами предпринимательства к области Войска Донского. Оно произошло вопреки отчетливо выраженным мнениям городских дум Ростова, Таганрога и Нахичевана, а также земства Ростовского уезда, не желавших подобного административного переустройства. И в городах об этом хорошо помнили, особенно читающая

часть их населения. Уже через год газетное дело Траилина обернулось убытками, а сам незадачливый издатель разорился.

В 1891 году, договорившись с журналистом-фельетонистом С. Я. Краевым о сотрудничестве и о программе издания, С. Х. Арутюнов решил рискнуть всем своим относительным материальным благополучием во имя задуманного им большого ежедневного издания. Новой попытке получить права на издание газеты не было: процедура их оформления была длительной, а результат – непредсказуемым.

Он просто выкупил издательские права у Ф. К. Траилина, получив согласие последнего на изменение названия печатного органа. Газета стала именоваться «Приазовский край» и в 1891–1893 годах печаталась в принадлежащей издателю типографии, размещавшейся поначалу по адресу: Казанский переулок, дом Пятикоповой, 13. Это была самая крупная в Ростовском округе хромолитография и типография, в которой работало примерно восемьдесят человек. Контора же располагалась в доме Генч-Оглуевых на Большой Садовой.

Первый номер «Приазовского края» вышел 1 сентября 1891 года. Газета сразу же была представлена как «политическая, экономическая и литературная». Этот статус, заявленный основателем, «Приазовский край» сохранял в течение всех лет издания.

В первый год газета выходила шесть раз в неделю: два больших четырехполосных номера и четыре прибавления меньшего формата. Прибавления содержательно от больших номеров не отличались, публикации охватывали разные стороны жизни всей области.

№ 2. Четвергъ, 5-го Сентября 1891 г.

— ГОДЪ ПЕРВЫЙ. —

Четвергъ, 5-го Сентября 1891 г. № 2.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
 Копей. доставити в ПЕРВЫЙ раз:
 на год 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на
 3 месяца 2 р. 50 к., на 1 месяц 80 к.,
 съ ДОНАТНОЙ и ПЕНСЬЮ:
 на год 9 р., на полгода 5 р., на 2 мес-
 аца 2 р. 25 к., на 1 месяц 1 руб.

Отдельные номера 5 коп.

Подписки при 4 мес., съ 7 Октя.
 1891 г. по 1 Января 1892 г.
 На 4 месяца без доставки 3 руб., съ
 доставкой и пенсией 3 р. 50 к.
 Редакция помещается въ Ростов-
 ской обл., Завойской пер., в Каткоп-
 цкой: № 13, Телефонъ № 246.
 Контора: Волж. Сызд., д. Генича-
 Оглуева; Телефонъ № 240.

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

ГАЗЕТА

политическая, экономическая и литературная

Выходить шесть разъ въ неделю (два номера и четыре прибавления).

ТАНКА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

На 1-й страницѣ вычета по 20 к. за
 строку, максимумомъ вычета, въ
 одной рамкѣ, и по 10 к. за строку, ма-
 ксимумомъ вычета, въ двухъ подсказоч-
 ныхъ рамкахъ, на каждой страницѣ по 10 коп.
 въ строку, максимумомъ вычета, въ
 одной рамкѣ, и по 5 коп. за строку за
 всѣ подсказочныя рамкѣ. Минимумомъ
 вычета объявляются двѣ строки вычета.
 За продолженіе въ третью, четвертую
 и т. д. строки. На каждой страницѣ, въ 4
 строки, вычета, рубриковъ вычета и пред-
 луженъ" будутъ вычитаны объявленія
 длинной строкою и объявленія, рас-
 биваемыя съ каждой по 20 коп. за каждую
 объявленія до 5 строчекъ."

Отдѣльные номера у разнощиковъ 5 коп.

А. Б. Тараховский, в 1891 году еще не Шиллер из Таганрога (этот псевдоним он выбрал себе позже, когда стал автором постоянной колонки «Арабески» в «Приазовском крае». – **Н. С.**), восторженно описал свои впечатления о первом номере новой газеты: «*Это было нечто совершенно новое, неожиданное, по тем временам даже прямо исключительное. Газета ростовская, со статьями и фельетонами о Ростове, хроникой и прочими отделами. Газета нахичеванская, ибо в отделе «Нахичеван» были статьи и хроника нахичеванской жизни. Новочеркасская – со статьями и хроникой этого города. Таганрогская – с полной картиной таганрогской жизни. И с корреспонденциями из обширного Донского края и Северного Кавказа.... Газета уничтожила расстояния и перегородки, связала между собою все население обширного района и с первых же шагов превратилась в орган, заменивший для каждого города и станицы нашей области местную газету*».

М.Б. Городецкий

Шарж работы А. Воронцовского на М. Б. Городецкого

Н. Мардарьев же в своем очерке просто приводит содержание одного из первых номеров газеты – № 12 за 1891 год: «*На первой странице этого номера находим телеграммы Северного Телеграфного агентства и передовую статью местного характера «О мерах охранения народного здравия», в которой жестокой критике подвергается городская дума и управа. Затем идут отделы: «Иностранные известия», «О чем пишут», «Общая хроника» и «Местная хроника». В последней, между прочим, помещена заметка, обличающая городское управление в непринятии мер против распространения инфекционных болезней на окраинах. Краевой отдел представлен в газете специальными сообщениями из Новочеркасска и Таганрога и корреспонденциями из Екатеринодара, Мариуполя и других мест. Таким образом, «Приазовский край» сразу принял характер областной газеты, каковою является и в настоящее время*».

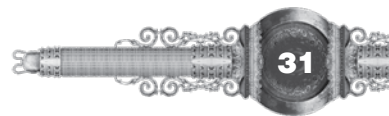
Казалось бы, новый тип издания ставил арутюновскую газету вне конкуренции. Но не тут-то было. Буквально на следующий год в Ростове стали выходить «Ростовские-на-Дону известия». Издатель – Максимилиан Исаакович Балабанов. (По удивительному совпадению однофамилец нахичеванского городского головы того времени Минаса Ильича Балабанова, что вносило порой некоторую путаницу в наши исторические изыскания). Печаталась газета в типографии А. Н. Ковалева и И. М. Файна. Началась конкуренция двух газет, потребовавшая как больших физических и моральных усилий, так и существенных материальных затрат.

«Приазовский край» в это время делали практически три человека, составлявшие его редакцию: С. Арутюнов – редактор и издатель, С. Краев – журналист и В. Хмельницкий – секретарь издания. С. Краев под псевдонимом Заноза публиковал в рубрике «Злобы дня» фельетоны, быстро завоевавшие популярность среди читателей. На «Приазовский край» работал до середины 1980-х годов и Михаил Городецкий. «Король ростовских репортеров» – так его именовали в своих воспоминаниях и А. Свирский, ставший его закадычным другом именно в Ростове, и А. Тараховский.

А. Свирский оставил запоминающуюся характеристику М. Городецкого, репортера «Приазовского края», а впоследствии газетного магната, основателя и совладельца петербургского издательства «Газета-Копейка». *«Он высок ростом, носит светло-русые усы, на ходу сутулит спину, всегда приветлив, весел, остроумен и весь переполнен анекдотами. Его все знают, и со всеми он на «ты». Миша свой человек в Коммерческом клубе, в цирке, в театре, в редакциях. Его любят, всюду встречают с улыбкой, всем он должен, никому не платит, но никто на него не сердится».*

«ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ...», ИЛИ КОНКУРЕНЦИЯ ГАЗЕТЧИКОВ

У конкурентов С. Х. Арутюнова был большой круг сотрудников, среди которых выделялись и люди несомненно талантливые. Это Н. И. Розенштейн (псевдоним Пикквик), С. Яблоновский (Потресов), впоследствии известный московский публицист, А. Свирский. Последний стал публиковаться в «Ростовских известиях» чуть ли не с первых дней выпуска этой газеты. Он быстро стал популярным у ростовцев как автор большой серии очерков, выходявших под общим названием «Ростовские трущобы». Героями их стали городские маргиналы, впервые представленные вниманию читателей, – обитатели ночлежек, люди, оказавшиеся по тем или иным причинам на дне жизни. (Замечу, что известная пьеса М. Горького «На дне» появилась лишь десять лет спустя, в 1902 году. – **Н. С.**). Удачно найденная Н. Розенштейном тема, которую Алексей Свирский, не один год бродяжничавший по России, с энтузиазмом разрабатывал, поднимала розничные продажи «Ростовских известий» до трех тысяч экземпляров в дни публикации очередного фельетона.

«Копейка» было дешевое издание, рассчитанное на массового читателя, который должен был получать из него «дневные и ночные сведения общего и местного характера». Определенного политического направления газета не имела.

В. Шумов

А. И. Свирский

«Приазовский край» продолжал доминировать, – вспоминал А. Тарховский, – хотя это стоило сотрудникам громадного напряжения сил, а С. Х. Арутюнову, кроме неустанной работы, пришлось войти и в неоплатные долги». Доходы от газеты не компенсировали и половины расходов. Объявлений и рекламы на ее полосах в эти годы было мало; к такой новации ни предприниматели, ни жители городов юга России еще не привыкли. Тем не менее, по версии Н. Мардарьева, «Приазовский край» уже приобрел в городе довольно прочное положение, поэтому конкурировать с ним на равных «Ростовские известия» не смогли, и «у издателей газет явилась мысль слиться в одно предприятие», что и произошло в 1893 году.

По версии Алексея Свирского, который ссылался на вездесущего и все знавшего Михаила Городецкого, к началу 1893 года издатель «Ростовских известий» Максимилиан Балабанов разорился, а векселя его

Съ 1-го Сентября сего 1891 г., выходитъ въ Ростовѣ н.д., ежедневная

(два нумера и четыре прибавленія въ недѣлю)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ и по программѣ, раздѣленной на отдѣлы:

<p>I. Распоряженіе Правительства и мѣстной администраціи.
 II. Телеграммы Сѣвернаго Телеграф. Агентства и собствен. корреспон.
 III. Руководящія статьи.
 IV. Иностранныя извѣстія.
 V. О чемъ пишутъ. Выдержки изъ руководящихъ статей русскихъ и иностран газетъ и журналовъ съ краткими примѣчаніями редакціи.
 VI. Забытыя дѣла. Ежедневныя бесѣды фельетоннаго характера о фактахъ и явленіяхъ повседневной жизни.
 VII. Общая хроника.
 VIII. Мѣстная хроника.
 IX. Театръ и искусство.
 X. Корреспонденція изъ городовъ, станицъ, селъ и колоній приазовскаго края, Донской и Кубанской областей.
 XI. Фельетоны.</p> | <p>XII. Мелочи. Сценки, курьезы, шутки, афоризмы и изреченія.
 XIII. Торговля и биржа
 XIV. Справочный листокъ.
 XV. Объявленія и рекламы будутъ печататься въ „Приазовскомъ Краѣ“ на всякъ языкъ по таксъ: за объявленія на 1 стр. газеты по 20 к. за строку, занимаемую петитомъ, въ первый разъ, и по 10 к. отъ строки, занимаемой петитомъ, за всѣ послѣдующіе разы; на послѣдней страницѣ по 8 к. за строку, занимаемую петитомъ, въ первый разъ, и по 5 коп. отъ строки за всѣ послѣдующіе разы. Мѣсячнымъ и годовымъ объявителямъ дѣлается скидка. За приложенія къ газетѣ 8 р. отъ каждой тысячи. Въ томъ-же отдѣлѣ, на 4 стр. подъ рубрикой „спросъ и предложеніе“ будутъ помѣщаться объявленія домашней прислуги и всякаго рода рабочихъ съ платою по 20 к. за каждое объявленіе до 5 строкъ.</p> |
|--|---|

◆ Подписка въ настоящее время принимается на 4 мѣс., съ 1 Сентября 1891 г. по 1 Января 1892 г. ◆

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 4 мѣсяца безъ доставки 3 руб., съ доставной и пересылкой 3 р. 50 к.

ОТДѢЛЬНЫЕ НУМЕРА 5 КОП.

Подписка на газету и объявленія принимаются въ Главной Конторѣ газеты, въ Ростовѣ на Дону, Большая Садовая, д. Генчъ-Оглуева, гдѣ Типо-Литографія Арутюнова, и въ отдѣленіяхъ конторы:

ВЪ ХАРЬКОВѢ. Екатериносл. ул., складъ и книжн. торговля «Новаго Времени».	ВЪ МАРИУПОЛѢ. Контора типо-литогр. и книжный магазинъ А. А. Франтова.	ВЪ НОВОЧЕРЕКАСКѢ. Донск. книж. магазинъ д. Анацьевой на Платовск. прѣс.
ВЪ ТАГАНРОГѢ. Петровская ул., д. № 60, контора типографія Разн.	ВЪ БЕРДЯНСКѢ. Контора типо-литогр. и книжный магазинъ Г. А. Эдигера.	ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРѢ. Красная улица, книжный магазинъ П. Ф. Галладжанца.

оказались в руках С. Х. Арутюнова, «богатого человека из Нахичевани». Это мнение об Арутюнове самого Свирского, хотя известно, что «богатым» Серафим Христофорович не был ни молодости, ни, увы, даже и в зрелом возрасте, отдавая все свои средства и сбережения на развитие своей газеты. А. Тараховский, вспоминая его, подчеркивал, что, безвозмездно помогая другим, С. Х. Арутюнов *«всегда сам нуждался материально»*, что говорит о его подвижнической жизни, *«полной труда, горьких разочарований, материальных лишений»*.

Между тем сотрудники «Ростовских известий» стали уходить в «Приазовский край», привлеченные более высокими гонорарами и почасовой платой. С. Х. Арутюнов платил в это время по две копейки за строку, а тот же Свирский получал в «Ростовских известиях» 25 рублей в месяц за 16 фельетонов, каждый из которых занимал подвал газетной полосы. В пересчете почасовая плата, им получаемая, оказывалась на порядок ниже – 0,2 копейки. Тем не менее газету, точнее, фактического ее редактора, он пока боялся оставить: тексты Свирского все еще нуждались в серьезной предварительной правке, которую осуществлял Наум Израилевич Розенштейн. А последний всеми силами противился объединению газет. Событием, решившим этот вопрос, А. Свирский считал опротестование векселей Макс. И. Балабанова: *«...в тот день, когда векселя Макса Балабанова опротестованы не кем иным, как Арутюновым, в кабинете Розенштейна происходит длительное заседание с участием Арутюнова и Балабанова»*. Тогда же были оговорены условия этого объединения.

Вряд ли имеет смысл выяснять, чья версия причин объединения двух газет реалистичнее. Тем более что отношения С. Х. Арутюнова и М. И. Балабанова в последующие годы отличались теплотой и дружеским доверием. М. Балабанов вплоть до своей безвременной кончины в начале 1905 года был юрисконсультom газеты, вместе с Арутюновым участвовал в многочисленных судебных процессах по искам к «Приазовскому краю». После образования Донского акционерного общества издательского и печатного дела он входил в состав его правления. Тараховский вспоминал о нем в 1916 году: *«Он был более журналистом, чем адвокатом... Всей душой М. И. любил газетную братию, и в нем мы всегда находили искреннего друга и защитника наших интересов перед издателями»*.

История газетного дискурса – тема прелюбопытная. Термином журналистская деятельность сотрудники «Приазовского края» примерно до 1913–1914 годов. Использовались ими также и словосочетания журналистское дело, журналистская среда.

Привычные нам слова журналисты и журнализм в фельетонах газеты появились примерно с 1912 года и употреблялись сначала как негативные маркеры, для обозначения работников желтой, бульварной прессы и их трудовых усилий в деле развлечения улицы. Тараховский в очерке 1916 года, посвященном 25-летию газеты, уже без всяких оговорок использует термин журналист, вспоминая Макс. И. Балабанова.

ПРИМИРЕНИЕ КОНКУРЕНТОВ. ОБЪЕДИНЕНИЕ ГАЗЕТ

Договор об объединении как редакций газет, так и типографий, в которых они печатались, был заключен издателями 25 мая 1893 года. Вслед за этим издание «Известий» было приостановлено, но реальное слияние редакций и объединение типографий произошло только в 1894 году. С. Я. Краев к этому моменту уже выехал из Ростова «по причинам личного характера». Новым заведующим редакцией стал Н. И. Розенштейн, обладавший солидным опытом «журнальной работы». Редактором-издателем по-прежнему оставался С. Х. Арутюнов.

Объединение конкурировавших газет не ликвидировало материальные сложности у издателя «Приазовского края». В 1893 году в целях дальнейшего развития газеты Серафим Христофорович приобрел право выпускать еженедельное иллюстрированное литературное приложение к газете. Однако денег на его фактический выпуск в свет уже не нашлось. Росли многообразные накладные расходы; множились судебные иски к газете. Вот лишь один пример накладных расходов по выпуску газеты: до 1902 года газетные гранки приходилось возить для предварительной цензуры в Новочеркасск. Это означало ежедневные поездки курьера туда и обратно, не говоря о постоянных волнениях, связанных с ожиданием результатов цензуры. Судебные иски к «Приазовскому краю» чаще всего рассматривались в том же Новочеркасске, реже – в Таганроге. Но в любом случае необходим был совместный выезд на судебное заседание ответственного редактора, автора публикации и юрисконсульта, что также неизбежно приводило к расходам.

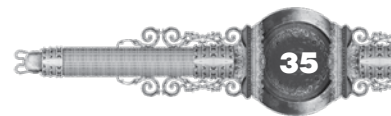
Новочеркасск. Здание
судебной палаты

СТРОИТЕЛЬСТВО ЗДАНИЯ ДЛЯ РЕДАКЦИИ И ТИПОГРАФИИ «ПРИАЗОВСКОГО КРАЯ»

Самые большие затраты у С. Х. Арутюнова связаны были со строительством здания для редакции и объединенной типографии на углу улицы Большой Садовой и переулка Братского. Руины этого дома до сих пор находятся на том же самом месте, где некогда кипела редакторская жизнь и функционировала самая большая, численностью до двухсот работников, типография. В советское время, помнится, там помещалось

полиграфическое издательство «Малыш», выпускавшее детские книжки с яркими картинками. Место для газеты, как оказалось, избрано было козырное, если учесть, что к концу 1890-х Большая Садовая стала главной улицей Ростова. Впрочем, произошло это только после возведения ростовской городской думой на бывшей Театральной площади роскошного городского дома, на строительство которого затратили около миллиона рублей. Перебралось в него городское самоуправление в 1898 году.

Возвращаясь к зданию на углу Большой Садовой и Братского, замечу, что расположение его на углу двух улиц уже предполагало весьма значительные затраты, на которые шли далеко не все домовладельцы. Требовалась тщательная архитектурная отделка не одного, как это делалось при строительстве в середине линии домов, а двух фасадов. В случае с двухэтажным зданием «Приазовского края», имевшим план в виде буквы «П», парадной отделке подлежали не два, а три фасада: по Большой Садовой, Братскому и Никольской (ныне Шаумяна). Угол здания на Большой Садовой – Братском был оформлен особенно тщательно, отличаясь формой угловых окон второго этажа с полуциркульными фрамугами и невысокой башенкой, увенчанной соразмерным ей куполом. Видимо, дорогим и любимым детищем была газета для С. Х. Арутюнова, если для нее сооружено было столь неординарное и затратное здание.

«Там, где элину сияла
красота,
Мне из черных дыр
зияет срамота».
О. Мандельштам.

Здание типографии и редакции одной из старейших донских газет «Приазовский край» в наши дни. Слева – проектное решение для реконструкции.

Кстати, о том, когда, кто и для чего строил этот дом, именуемый ныне объектом культурного наследия и находящийся на балансе ростовской городской администрации, на местных краеведческих сайтах можно найти разногласия, во всех ее вариантах далекую от исторических реалий. Единодушие здесь существует лишь в неопределенно-приблизительном указании времени постройки дома (якобы «в конце 1880-х», естественно, без ссылок на источник сведений).

Привожу ссылки на источники своих сведений. Н. Мардарьев в очерке 1916 года об истории газеты отметил, что вслед за подписанием в мае 1893 года договора об объединении газет С. Х. Арутюновым и Макс. И. Балабановым выпуск «Ростовских известий» был лишь приостановлен с сохранением права его возобновления, *«а в 1894 году издание этой газеты было совершенно прекращено. С прекращением выхода «Ростовских на Дону известий» в состав редакции «Приазовского края» вошли новые сотрудники. <...> Вскоре после этого новое предприятие перешло во вновь отстроенное собственное здание на углу Б. Садовой ул. и Братского пер.»*. Обращает на себя внимание, что между заключением договора и реальным объединением газет прошло более полугодя, а за «Известиями» сохранялось право на возобновление выпуска. Очевидно, реализация слияния газет зависела от вопроса, где поместить и увеличившуюся редакцию, и большую объединенную типографию обновленного «Приазовского края». Скорее всего, здание для них уже строилось и издатель газеты напряженно искал деньги для завершения строительства; очевидно, какое-то время даже было неясно, удастся ли его достроить и отделать. Поэтому и возможность возобновления выпуска «Известий» сохранялась как вариант в случае неблагоприятного для Серафима Христофоровича исхода дела. Не случайно фактическое объединение редакций газет и типографий, а также их переход в собственное здание последовали одно за другим в 1894 году, с небольшим временным лагом. Следовательно, дом на углу Большой Садовой и Братского сооружен был в 1893–1894 годах, а Донское акционерное общество печатного и издательского дела к его строительству не имело отношения. Господа акционеры приобрели здание у С. Х. Арутюнова, его строителя и собственника.

В ходатайстве об учреждении Донского общества печатного и издательского дела, поданном в 1895 году в Департамент промышленности и торговли Минфина Российской империи, среди учредителей указан С. Х. Арутюнов и принадлежавшая ему собственность: дом в Ростове-на-Дону и

доля в типографии газеты «Приазовский край». Бумаги, подававшие для Высочайшего разрешения на создание того или иного акционерного общества, не те документы, в которых можно было сообщать неверные данные. Чиновники делали запрос о достоверности сведений об учредителях в местную полицию и лишь при их подтверждении давали делу дальнейший ход.

Когда же общество было разрешено и оформилось, оно оценило переданные ему Серафимом Христофоровичем право на издание газеты, здание газеты и объединенную типографию весьма значительной для середины 1890-х годов суммой – 381,5 тысячи рублей, что нашло отражение в протоколах организации. Право на издание ежедневной газеты и ее воскресного приложения составило в сумме 151,5 тысяч рублей. Оценка здания в момент его передачи акционерному обществу превышало 130 тысяч рублей. По сути Арутюнов отдал все, что у него имелось во имя сохранения «Приазовского края». Больше того, влез в немалые долги.

Итак, в 1894 году редакция и объединенная (и с этого времени самая крупная в Ростове) типография разместились в новом собственном здании. Поиск средств для продолжения издания газеты между тем продолжился. С. Х. Арутюнов уже пожертвовал во имя просвещения краевого обывателя собственным материальным благополучием и, очевидно, средствами своей супруги. Для продолжения выпуска газеты оставалось отказаться от статуса единоличного издателя, решиться на образование акционерного общества, поставив свои действия под контроль не только властей предрержащих, но и членов правления. Серафим Христофорович пошел и на это. В 1895 году он начал поиск возможных партнеров для продолжения издательского дела. Его переговоры с известными представителями ростово-нахичеванского делового мира завершились ходатайством о разрешении акционерного общества.

ГАЗЕТА В РУКАХ АКЦИОНЕРОВ

Донское акционерное общество печатного и издательского дела (газета «Приазовский край») оформилось в течение 1896 года. В ходатайстве об образовании акционерного общества обозначены его учредители. Во главе этого списка был поставлен крупный табачный фабрикант, председатель ростовского комитета торговли и мануфактур Я. С. Кушнарев. Далее в списке-рейтинге следовали: Г. И. Шушпанов, шахтовладелец и совладелец торгового дома «В. Асмолов и К»; Минас И. Балабанов, нахичеванский го-

Я. С. Кушнарев

П. Е. Хатранов

родской голова, промышленник и крупный домовладелец и землевладелец; П. Е. Хатранов, нахичеванский предприниматель и потомственный почетный гражданин; А. Н. Ковалев, инженер-путеец, управляющий ростовским отделением Юго-Восточной железной дороги, совладелец типографии газеты. Сам Серафим Христофорович упомянут в самом конце этого списка, как и положено по его актуальному на 1895 год рангу коллежского асессора, секретаря Нахичеванской городской думы. А первым в списке не случайно поставлен был Я. С. Кушнарев, пользовавшийся общероссийской известностью табачного фабриканта – поставщика императорского двора.

Общество было создано с капиталом в 400 тысяч рублей, разделенных на предъявительские акции номиналом в 250 рублей. Таким образом, основные активы общества заключались в переданном ему Арутюновым и совладельцами объединенной типографии имуществе, а также в принадлежавшем Серафиму Христофоровичу праве на издание газеты. Разумеется, оплачен был этот выкуп акциями общества, а не наличными. Поэтому в 1896–1897 годах мы видим С. Арутюнова среди акционеров газеты: ему и его супруге Елене Никитичне принадлежали 342 акции, из которых 242 числились именно за Е. Н. Арутюновой.

Обычно подобное внутрисемейное распределение ценных бумаг при акционировании капитала единоличного предприятия указывало на привлечение денег жены для его создания и дальнейшего развития. В данном случае можно предполагать без особой боязни ошибиться, что деньги супруги (с ее согласия, разумеется) Серафим Христофорович расходовал для развития газеты и постройки здания, причем ее денежные средства, очевидно, превышали вложенные средства самого основателя «Приазовского края». На момент образования общества у Арутюновых акций было чуть больше, чем у семейства Хатрановых (270), у Я. С. Кушнарера и его зятя Е. Кундури (303 акции). Но уже в 1898 году пакет акций Арутюновых уменьшился на треть, а к началу XX века и вовсе весь перешел в другие руки. Видимо, «богатый нахичеванец» расплачивался и, вероятно, в конце концов расплатился со своими «неокупными долгами», о которых писал А. Тараховский.

В состав правления общества вошли Я. С. Кушнарев (председатель правления до 1898 года), П. Е. Хатранов (бессменный председатель правления в 1898–1915 годах) и А. Н. Ковалев (владел 181 акцией в 1896 году). Это были те, кто за акции общества внес реальные деньги, жизненно необходимые для продолжения издания. В 1898 году в составе прав-

ления (вместо Я. С. Кушнарера) появился К. Д. Диамантиди, крупный ростовский экспортер хлеба и известный в городе меценат, купивший пакет акций. Е. Кундури, зять и наследник Якова Семеновича Кушнарера, в течение многих лет был директором-распорядителем общества, а в 1900 году также вошел в состав правления.

ГРУЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Что же касается С. Х. Арутюнова, то у него были лишь его знания, организаторские умения и литературные таланты, имелась большая и многогранная программа газетных публикаций, рассчитанная на годы вперед. Но денег у него не было. Поэтому в состав правления общества он не входил. Серафим Христофорович оставался редактором и ответственным издателем газеты. Именно такими титулами все последовавшие годы он подписывал каждый вышедший в свет номер «Приазовского края». За неполных двадцать лет своего редакторства Арутюнов определил структуру и идейно-эстетическое направление публикаций «Приазовского края», принципиально не изменившиеся даже после его кончины. Это очень значимое обстоятельство, характеризующее роль основателя газеты в определении социокультурного облика и реноме издания.

С образованием Акционерного общества газета, в отличие от ее основателя, обрела финансовую устойчивость и возможность дальнейшего развития. Акционеры газеты повели дело безубыточно. Уже в первые годы существования общество работало с прибылью, колебавшейся в пределах от 10 179 рублей (1902) до 27 573 рублей (1900). Одну половину прибыли составляли доходы от заказных типографских работ, вторую – от подписки и розничной продажи газеты.

Владельцы увеличивали запасный капитал и капитал погашения, постепенно наращивали ценность имущества, а сами довольствовались небольшим дивидендом. В зависимости от полученной прибыли он варьировался от двух до пяти процентов от номинала акции. Например, в 1899 году из чистой прибыли чуть более 21 тысячи рублей на дивиденды было выделено только восемь тысяч, что означало выплату пять рублей на акцию номиналом в 250 рублей. Основная доля чистого дохода, за исключением обязательного государственного налога, была направлена на формирование резервных средств и амортизацию движимого и недвижимого имущества. С 1902 года, далеко не лучшего для акционерного

общества в хозяйственном отношении, часть чистой прибыли стала выделяться на вознаграждение служащих.

Смена состава акционеров Донского общества издательского и печатного дела произошла в 1910 году, незадолго до смерти С. Х. Арутюнова. Контрольный пакет акций (50,5 процента) приобрел Б. А. Гордон. Братья Гордоны, Борис и Ной, сыновья не самого состоятельного ростовского купца, явились деловому миру города как представители поколения дельцов нового типа – энергичных, оборотистых, стремившихся получить поддержку банков, действуя во имя реализации интересов последних, поскольку сколько-нибудь значимыми семейными и личными капиталами изначала не обладали. С 1910 года братья действовали в Ростове, а позже и во всем юго-восточном регионе России в интересах столичного Русско-Азиатского банка: скупили для него сначала ростовские табачные фабрики, затем донские и кубанские маслобойные заводы.

В 1911 году общее собрание акционеров ходатайствовало перед министерством торговли и промышленности об удвоении акционерного капитала путем выпуска новой серии акций. В прошении подчеркивалось, что это необходимо для расширения картонажного и переплетного дела в типографском производстве, а не для развития издательской деятельности. Просителям отказали. Министерство внутренних дел Российской империи в своем отзыве по запросу Министерства торговли и промышленности заявило о нежелательности увеличивать роль и вес еврейского капитала в типолитографском деле, «где в настоящее время в значительной степени находятся евреи».

Впрочем, отказ этот не помешал ни расширению объема газеты, ни разворачиванию ее отделений в российских городах и крупных станицах Дона и Кубани (в том числе отделения «Приазовского края» открылись в обеих столицах), ни появлению собственных корреспондентов в ряде европейских стран, ни привлечению большего числа известных публицистов и литературно-художественных критиков и писателей к сотрудничеству с «Приазовским краем», ни началу цветной (в две краски) печати воскресных приложений, ни появлению вечерних выпусков газеты наряду с традиционными утренними.

Да и доходы от чисто типографского дела, благодаря заказам местного табачного производства, тоже существенно выросли, что отмечал ростовский градоначальник в отчете МВД Российской империи в 1913 году.

Б.А. Гордон

Доступ новых акционеров Донского общества печатного и издательского дела к финансовым ресурсам одного из крупнейших частных банков императорской России, Русско-Азиатского, был обеспечен через аффилированное учреждение – Ростовский купеческий банк. Братья Гордоны купили его для А. Путилова еще в 1910 году и, естественно, распоряжались поступавшими в дочерний филиал средствами во имя реализации интересов банка. Но попутно решали они и свои собственные задачи.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ЛИЦО ВЛАДЕЛЬЦЕВ ГАЗЕТЫ

В 1915 году А. Тараховский, давний сотрудник и член редакции газеты, приобрел пятипроцентный пакет акций и стал членом правления, а в 1916 году – заместителем председателя правления общества. Видимо, в его руках и сосредоточилось реальное руководство изданием газеты. Он, кстати, вполне устраивал в этом своем новом качестве сотрудников газеты. Тараховский был свой, из газетной братии, человек «Приазовского края», единомышленник С. Х. Арутюнова, сотрудник, ни разу не предавший основателя газеты, своего «редактора-товарища». Именно так озаглавил Шиллер из Таганрога пространный некролог – воспоминание о Серафиме Христофоровиче, когда его не стало.

Обновленный состав акционеров «Приазовского края» представлял собой некий предпринимательский интернационал, вполне типичный для крупного ростово-нахичеванского бизнеса. В 1916 году акциями Донского общества печатного и издательского дела владел небольшой круг лиц: четыре грека, четыре иудея, три армянина. Острозыкий фельетонист «Приазовского края» Л. Пасынков кратко, емко и реалистично описал понимание национального вопроса крупными предпринимателями ростовского градоначальства: *«Инородческий вопрос: кушают все от одного пирога и из одной миски».*

Ростово-нахичеванская
пасхальная идиллия.
Рис. А.Н. Воронецкого

Имперская власть трактовала «инородческий вопрос» несколько иначе, как в общероссийском масштабе в целом, так и в вышеназванном градоначальстве в частности. К примеру, на выборах в III и IV думы обе курии городских избирателей были разделены на фракции русскую и инородческую. При этом в состав первой из названных, помимо великороссов, малороссов и белорусов, включили этнических греков, поляков, немцев и прочих имущих обывателей обоих городов. Выходило, что и вопрос о том, кого считать «русским», понимался властями предержажными весьма своеобразно. В «русские» группы первого и второго городских съездов вошли все, кроме лиц армяно-григорианского и иудейского вероисповедания. Последних же объединили в инородческие группы. По мнению Донского охранного отделения, эта часть цензового электората градоначальства была весьма радикальна в своих либеральных устремлениях. Поэтому считалось целесообразным изолировать ее от городских избирателей прочих национальностей, объединенных в «русских» электоральных группах.

ГРАНИЦЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГАЗЕТЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Детище С. Х. Арутюнова газета «Приазовский край» была в начале XX века одной из самых известных и влиятельных ежедневных газет юга России.

Впрочем, дело издания газеты было поставлено на широкую ногу задолго до прихода новых акционеров. К концу XIX века газета имела отделения в городах Таганроге, Новочеркасске, Екатеринодаре, Новороссийске, Ейске и Мариуполе, Владикавказе и Армавире, Луганске и станции Каменской. Сотрудники отделений в своих публикациях поднимали местные злободневные темы, сообщали о значимых событиях жизни в том или ином поселении. Через отделения происходило распространение газеты: принималась подписка и шла розничная продажа газеты. С увеличением числа местных отделений «Приазовского края» росло количество читателей газеты и доходы от подписки и продажи в розницу. К 1905 году новые отделения открылись в Ставрополе, Пятигорске, Бердянске, Енакиеве, Юзовке, станции Нижне-Чирской.

С 1900 года увеличился формат газеты, чему способствовало появление в типографии новой ротационной машины. По воскресеньям стало выходить иллюстрированное литературно-художественное приложение. Право на его издание С. Х. Арутюнов приобрел, будучи еще в статусе самостоятельного издателя, но денег для выпуска приложения не нашел.

В приложениях публиковались рисунки и фото актуальных событий, портреты общественных и политических деятелей, актеров и музыкантов, выступавших в городе, рисунки и карикатуры, ребусы и кроссворды. Как правило, печатали рассказ или новеллу. Воскресное приложение способствовало росту популярности газеты, заметно увеличив и число подписчиков, и ее розничные продажи.

В столице империи с первых лет XX века работали собственные корреспонденты «Приазовского края». На страницах газеты отныне печатались не только и порой даже не столько официальные новостные телеграммы Петербургского телеграфного агентства, сколько российские и европейские новости от ее столичных соборов. Содержание новостей от соборов, по свидетельству местного инспектора по делам печати, далеко не всегда совпадало с тем, что распространяло официальное новостное агентство. Отсутствовали в газете перепечатки проблемных статей из столичных изданий, которые в начале XX века были обычны для провинциальных газет России.

ЦЕНА «ПРИАЗОВСКОГО КРАЯ»

Стоимость годовой подписки на «Приазовский край» оставалась неизменной в течение четверти века: восемь рублей без доставки, с доставкой – на рубль больше. Не росла и розничная цена, установленная в 1891 году, – пять копеек за номер. Столько же стоило и воскресное иллюстрированное приложение. В розницу его можно было приобрести только с газетным номером. Лишь в 1916 году цены годовой подписки увеличили на рубль по обеим позициям, что объяснялось ростом стоимости бумаги в условиях военного времени. В розницу газету стали продавать также на копейку дороже.

Можно говорить о том, что «Приазовский край» за годы издания сформировал своего читателя, в том числе и постоянного. По сведениям Н. Мардарьева, в 1896 году у газеты было три тысячи подписчиков. К 1916 году их число увеличилось в пять раз. Годом ранее, в 1915 году, ростовский краевед М. Б. Краснянский оценочно определил ежедневное распространение «Приазовского края» (только по области Войска Донского) примерно в 35–36 тысяч экземпляров и резюмировал: газета «держит область в своих коммерческих руках». Для сравнения: по его же данным, ежедневное распространение «Донских областных ведомостей», местного официоза, не превышало в это время двух с половиной – трех тысяч экземпляров.

Карикатура на злобу дня. Журналисты «Приазовского края» не могли остаться в стороне от вопросов, связанных с переездом в 1914 году Варшавского университета в Ростов-на-Дону

Иван Яковлевич
Алексанов

Шарж А. Воронцового
на И. Я. Алексанова

О прочной постановке дела издания газеты в коммерческом отношении свидетельствовала не только многолетняя стабильность ее цены по подписке и в розницу. С образованием акционерного общества весьма привлекательной стала и заработная плата штатных сотрудников газеты: ведущий постоянной колонки получал 125 рублей в месяц, заведующий отделением газеты – 175 рублей, не считая построчной платы за публикации. Последняя в «Приазовском крае» составляла пять копеек. (Столько же за строку платили рядовым авторам и в столичных газетах!) А. Серафимович много лет спустя вспоминал о привлекательности гонораров, которые он получал в начале своей литературной деятельности в «Приазовском крае». Это заявление соседствовало у него с тенденциозными оценками содержательной стороны публикаций газеты и издательской политики ее редакции и владельцев.

Жалованье в 125 рублей в месяц получал в 1899 году И. Я. Алексанов (Ованес Акопович Алексанян), в это время ведущий постоянной колонки «Злобы дня». Несколько позже он заведовал ростово-нахичеванским отделением «Приазовского», а публиковался чаще всего под псевдонимом Небессмертный. Упомянуть его кажется уместным потому, что он был человеком, всю жизнь посвятивший газетному делу. Нахичеванский мещанин по сословному статусу, Алексанов получил минимальное образование. Историк и журналист В. С. Сидоров в своей «Ростово-нахичеванской энциклопедии» (1994) описал это следующим образом: «Окончил Ростовское приходское училище. Все остальное образование приобрел в типографской и газетной работе». Похоже, это были достаточно хорошие университеты.

Иван Алексанов был человеком несомненно талантливым и газетчиком весьма осведомленным. Газета И. Я. Алексанова «Южный телеграф», единоличным издателем и редактором которой он был, оказалась стабильным изданием, выдержала многолетнюю конкуренцию с «Приазовским краем». Возможно, потому, что, не подражая «Приазовскому краю», уже в первые пару лет издания газета обрела собственное лицо, особенно ярко очерченное в 1904 – 1907 годах карикатурами и рисунками талантливого молодого художника А. Воронцового. О его сатирических работах современники отзывались как об «образцах достоверности и грации». Сотрудничество последнего с ростовскими газетами началось именно с «Южного телеграфа». Поработал А. Воронцовый (псевдоним Колючий) и в сатирическом журнале «Фаланга», который Алексанов издавал в 1906–1907 годах. Впоследствии художник много лет работал в «Приазовском крае», входил в состав редакции газеты.

По данным историка Евгения Ахмадулина, к началу XX века тираж газеты «Приазовский край» составлял до 17 тысяч экземпляров, тогда как средний тираж всех российских газет не превышал 5 тысяч экземпляров. Но тираж газеты в дальнейшем только рос и рос. Так, в 1914–1917 годах тираж «Приазовского края» достиг 40 тысяч экземпляров. Но и это был не предел для популярной газеты юга страны. Некоторые номера печатались еще большим тиражом – до 60 тысяч экземпляров. «Приазовский край» имел отделения в Новочеркасске и Таганроге, Екатеринодаре и Мариуполе. Подписка на газету принималась также в Ейске, Новороссийске, Керчи, Грозном, Владикавказе, Бахмуте, в окружных станицах области Войска Донского.

РОСТ ПОПУЛЯРНОСТИ ГАЗЕТЫ В РОССИИ

С первых лет XX века с «Приазовским краем» охотно сотрудничали публицисты Петербурга и Москвы, поскольку владельцы газеты не скупилась на гонорары (назовем их «рейтинговые»). К примеру, в 1902 году столичные публицисты А. Амфитеатров и В. Дорошевич, обладавшие общероссийской известностью, за каждый оригинальный фельетон, написанный для «Приазовского края», получали гонорар в сто рублей, а И. Потапенко, литератор меньшей величины, – вдвое меньше. Но газета выставляла свои условия сотрудничества: во-первых, каждый из названных выше авторов должен был представить не менее двух публикаций в месяц, во-вторых, фельетоны, написанные для газеты, запрещалось печатать еще и в других изданиях. Это обеспечивало литературным и художественно-критическим публикациям «Приазовского» эксклюзивный характер.

Обычный же гонорар автора фельетона (статьи, новеллы, обзор), занимавшего подвал газетной полосы, составлял примерно двадцать рублей. Именно такие гонорары получала в 1910–1914 годах за свои литературно-критические статьи и философские эссе Мариэтта Шагинян. Деньги за ежемесячные два-три фельетона составляли по тем временам немалое подспорье для курсистки, а затем выпускницы Московских высших женских курсов Н. Герье. Однако в число штатных сотрудников газеты она ни в годы учебы, ни в период Первой мировой войны не входила.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ

Для С. Х. Арутюнова, редактора и ответственного издателя, газета оставалась основным предметом забот и держала его в постоянном напряжении. Образование акционерного общества, с одной стороны, добавило его от ежедневных хлопот по поиску денег для продолжения выпуска газеты. Этим стала заниматься контора акционерного общества. С другой стороны, обозначились новые сложности, связанные с взаимоотношениями с объединенными издателями. Протоколы заседаний правления за 1897–1899 годы, сохранившиеся в фонде 155 Государственного архива Ростовской области, пестрят указаниями в адрес редактора относительно содержания и формы публикаций или более краткими резюме: «поставить редактору на вид». Правление общества требовало от него предельной осторожности в публикациях.

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

Къ 25-лѣтію „Приазовскаго Края“.

П. Е. Храмовъ.
(Предсѣдатель правленія).

С. Х. Арутюновъ († 1911 г.).
(Основатель газеты, членъ правленія и редакторъ).

Е. Г. Кундури.
(Членъ правленія и директоръ-распорядитель).

М. И. Балабановъ († 1906 г.).
(Членъ правленія и юристъ-консулъ).

М. Е. Рензовъ († 1913 г.).
(Внѣшній съ основанія управлюющій и директоръ-распорядитель).

Я. С. Кушнारेвъ († 1904).
(Предсѣдатель правленія).

Составъ правленія Донскаго Акціонернаго Общества печатнаго и издательскаго дѣла въ Ростовѣ н-Д. прежнихъ лѣтъ.

НАШИ КРАЕВЫЕ СОТРУДНИКИ.

В. П. КАЗМИЧОВЪ.

В. В. СКАУЦЪ.

J. В. ХАРИТОНОВЪ.

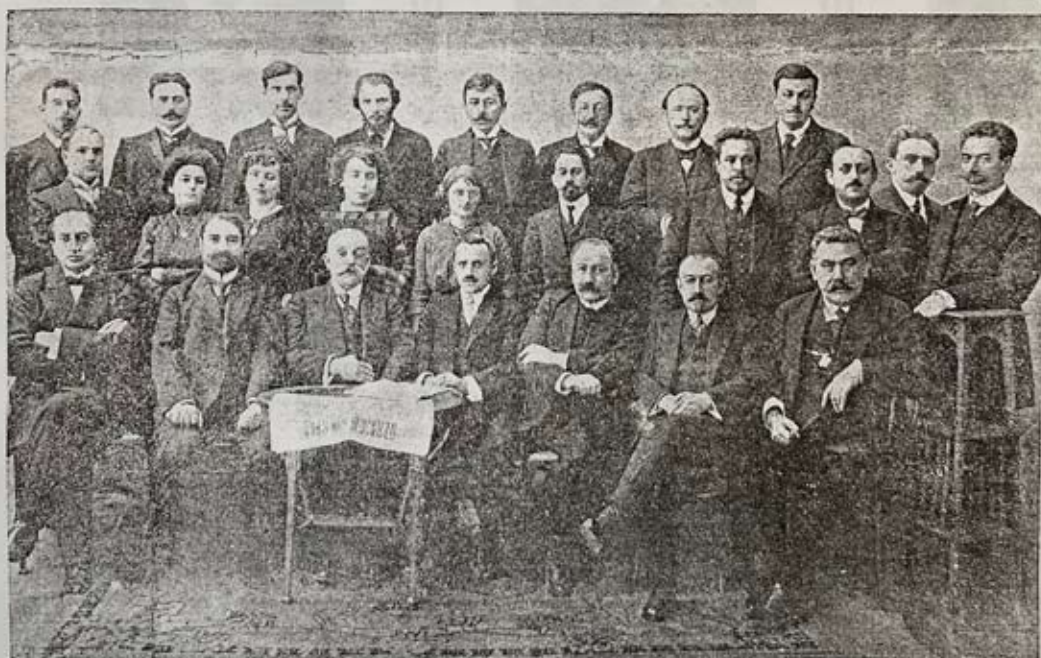
Н. Е. РОЗАНОВЪ.

I. М. МЕЛЬНИКОВЪ.

Н. А. ГУРЕВЪ.

Н. Д. АГРАНОВЪ.
(А. Москва).Н. Ф. КАЛИНИНЪ.
(И. Сорковское).

Члены правления, сотрудники и служащие конторы (1912 г.)

СОСТАВЪ ПРАВЛЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

К. Д. Діамантиди.
(Членъ правленія).

Б. А. Гораскѣ.
(Присѣдатель правленія).

А. В. Тараховскій.
(Шенкеръ изъ Таганрога, А. Тарскій).
(Депутатъ 1-го приазовскаго правленія и
директоръ-инициаторъ).

К. П. Храмовъ.
(Членъ правленія).

С. А. Калуга.
(Членъ правленія).

О. С. Калуга.
(Членъ правленія и инициаторъ финансовъ).

ГЛАВНАЯ

І. В. ДАЖНЫИ.
(Пресса).

М. М. ГОРФМАНЪ.
(Кураторъ 1-го класса Дома
Люд. Учен. общ. и изд. АНХ).

І. С. ФИЛАДЕЛІИ.
(Фабр. швейной машинъ).

КОНТОРА.

А. М. ПРИЧАЛОВЪ.
(Вакансiи телеграфъ).

Н. Н. ЗИНЪ.
(Главный бухгалтеръ).

А. Т. ПОДОБНЫИ.
(Помощникъ бухгалтера).

Г. В. ЧЕЛМЫ.
(Вакансiи 1-го класса, телеграфъ).

С. Н. ФАШЧИНСКИИ.
(Вакансiи 1-го класса и инициаторъ телеграфъ).

Д. А. ХАРИНЪ.
(Высшій вѣдущій редакторъ)

Н. М. АЛЕКСАНДРОВЪ.
(Печатный цехъ)

А. Н. ЗУКОВЪ.
(Высшій вѣдущій редакторъ
и корректоръ)

Н. Ф. ЖУРАВЛЕВЪ.
(Высшій вѣдущій редакторъ
и корректоръ)

Корректора.

Н. А. ХАРИНОВИЧЪ.

М. К. ГАЛИНА.

Н. Н. ЗУКОВСКАЯ.

М. А. ЖУРАВЛЕВЪ.

Н. Н. СЕРЕБРЯКОВЪ.

Н. Н. ХАРИНОВИЧЪ.
(Высшій вѣдущій редакторъ
и корректоръ)

Н. Н. МАЛИНЪ.
(Высшій вѣдущій редакторъ
и корректоръ)

Здание „Привозскаго Края“.

И. И. ЖУРАВЛЕВЪ.
(Высшій вѣдущій редакторъ
и корректоръ)

В. Н. ДАНИЛОВЪ.
(Корректоръ)

Группа сотрудников 1894 г.

1) А. Смирнов, 2) В. А. Хмельницкий, 3) Н. И. Розенштейн, 4) В. Гудов, 5) Сергей Яблоновский, 6) М. В. Городецкий, 7) М. И. Балабанов, 8) Н. В. Никитин, 9) М. Зильберман.

Группа сотрудников 1897 г.

Слева (сзади): Ч. Ф. Качков, Н. В. Никитин, Н. П. Дидковский, Кушечков, И. Ф. Нахвильский, С. В. Христов, А. И. Шенкалов.
Сидят: А. В. Тараховский, В. А. Хавинин, Н. И. Розенштейн, С. Х. Арутюнян, Е. И. Балабанов, Н. В. Туркин, С. П. Черников, В. Гудов.

Приведу только одну цитату из постановления правления акционерного общества от 8 октября 1897 года: *«Члены правления, отлично понимая и признавая, что органы печати должны служить для освещения фактов и обличительный материал создает успех газеты, тем не менее, находят, что все это должно быть в разумных пределах и известных рамках, касаясь областной и общественной жизни, отнюдь не затрагивая личности, не делая газету орудием сведения личных счетов, личных симпатий и антипатий. Между тем в некоторых статьях видно это нежелательное явление, а по сему правление единогласно постановило сообщить об этом ответственному редактору и просить его в интересах газеты не пропускать таковых статей».*

Любопытно, что накануне заседания правления практически о том же в личном письме Серафиму Христофоровичу писал председатель правления Я. С. Кушнарев. Поэтому вряд ли можно говорить о грубом диктате со стороны правления. Некий джентльменский политес в отношениях с ответственным редактором правление соблюдало. Редактор самостоятельно выбирал штатных сотрудников редакции и сотрудничавших с газетой авторов, определял структуру издания и идейно-эстетическое направление публикаций. Но задаваемые другими рамки работы были повседневным напоминанием об утраченной самостоятельности в издательской деятельности. Стрессовые ситуации сопутствовали работе редактора и следовали, очевидно, одна за другой.

А. Тараховский, вспоминая условия редактирования газеты С. Х. Арутюновым в конце 1890-х, однозначно именовал эту работу каторгой. *«Сегодня Серафим Христофорович в Новочеркасске объясняется с цензором, завтра ему надо быть в Таганроге у судебного следователя, послезавтра он сидит в качестве обвиняемого на скамье подсудимых в Ростове, а там его вызывают в Новочеркасск для объяснения, а дома ждут объяснения с издателями, так как запретили розничную продажу за статью об одном священнике. А там объяснения с сотрудниками, нервными, самолюбивыми, беспокойными».*

В подписи к фотографии 1897 года воспроизведено ее название в юбилейном (в честь 25-летия издания) выпуске газеты. Там же указаны фамилии всех, кого запечатлел фотограф. Назову только некоторых на этом композиционно удачном снимке. В центре сидит С. Х. Арутюнов, ответственный редактор или, по определению Тараховского, «редактор-товарищ». Справа от него, опершись о столик с номером газеты, – заведующий редакцией

«В небольшом кабинете его квартиры, кабинетах нахичеванской управы и «Приазовского края» вы могли встретить людей самого разнообразного общественного положения: и бедняка-студента, за которого надо хлопотать пред администрацией, и полуголодного, изможденного перса, который не знает как «выправить свои бумаги» и просто обывателя, несправедливо обложенного непосильным налогом, и проезжего сотрудника, просящего работы, и... кого угодно вы могли встретить у Серафима Христофоровича, который всех любезно, мягко принимал, терпеливо выслушивал, оказывал необходимую помощь, давал советы, вел часто обширную и утомительную переписку, лишая себя отдыха и сна — и все это делалось любовно, охотно, разумеется, совершенно безвозмездно, делалось так, как будто все эти чужие люди, совершенно неизвестные, доставляют ему величайшее наслаждение своими просьбами и тем, что ради них он поздно ночью писал письма, рылся в законах, составлял прошения и пр.»

А. Тараховский

Н. Розенштейн (выпускающий редактор). По левую руку – М. Балабанов. По словам Тараховского, он был ближайшим другом Серафима Христофоровича, юрисконсульт и «постоянный защитник во всех литературных процессах редактора и сотрудников, близко принимавший к сердцу все, что касалось газеты и ее работников». Сам А. Тараховский сидит первым, если рассматривать фото слева направо. Он в это время заведовал отделением газеты в Таганроге. Рядом с ним В. Хавкин, помощник Розенштейна, в 1899–1911 годах заведующий редакцией «Приазовского края». Справа замыкают ряд сидящих представители новочеркасского отделения газеты – Н. Туркин (заведующий отделением) и С. Черевков.

Судя по воспоминаниям сотрудников, в конце 1890-х – начале 1900-х годов С. Х. Арутюнов, еще здоровый и энергичный, любил проводить минуты свободного времени в обществе сотрудников редакции, устраивал для них обеды и пикники. *«По инициативе С. Х. сотрудники часто собирались то в Ростове, то в Новочеркасске, то в Таганроге и в дружеской беседе намечали план работы, выясняли недоразумения, составлялись инструкции – и работа после этого казалась не столь трудной и неприятной»*, – писал А. Тараховский.

Редактор. Он же товарищ!

Многолетний сотрудник новочеркасского отделения газеты И. Печковский (псевдоним И. Чужой), с которым С. Х. Арутюнов постоянно общался во время своих частых деловых поездок в войсковой центр, оставил живописное описание своего общения с «редактором-товарищем»: *«Останавливался Серафим Христофорович в «Донской» гостинице, возле Александровского сада, в нижнем этаже, и в одном и том же номере, окна которого были обращены в сад, что ему очень нравилось. «Здесь хорошо отдыхать, – говорил он. – Привык я здесь». И потом в тоне гостеприимного кавказца (как я его называл) спрашивал: «А что мы сегодня хорошенького поедим и выпьем?» В компании, за столом, он был веселым интересным собеседником. Но все его мысли не принадлежали компании. Они струйка-ми омывали излюбленные берега – газету и благотворения. Бывало свесит голову среди компании и спросит вдруг: «А как прошла в публике статья такого-то?» Или: «Нет ли у вас случая помочь некоей особе?»»*

И. Печковский охарактеризовал некоторые черты личности Арутюнова: *«Скромнен был Серафим Христофорович до простоты. Не любил*

ездить в первом классе. Не садился в театре в первом ряду кресел, хотя в каждом общественном учреждении он был гость желанный, а тем более – в театрах, содержимых разными антрепренерами, для которых краевая газета с ее художественными мнениями представлялась видным козырем: «Э, я не люблю обращать на себя внимание. По-простецки лучше», – говаривал он в свое оправдание».

А. Тараховский, описывая образ жизни редактора «Приазовского края», заметил: *«Его никогда не видели ни в клубах, ни в театрах, ни на балах, он не знал, что такое развлечения, не имел представления об отдыхе, за всю свою жизнь, кажется, только один раз уезжал на воды лечиться и то лишь тогда, когда стало уже совсем плохо и когда близкие люди насильно усадили его в вагон».* Писал Шиллер из Таганрога и об очень скромных личных потребностях Серафима Христофоровича: *«Лично для себя ему ничего не нужно было. В громадной квартире он занимал крошечную комнату, где могли еле-еле поместиться два-три человека. Одевался настолько скромно, что производил впечатление бедняка <...> и всю свою жизнь, весь свой труд отдавал другим».*

Называя С. Х. Арутюнова общественником в самом широком и благороднейшем смысле слова, Тараховский подчеркивал его постоянную занятость общественной работой, преимущественно благотворительной: *«За много лет моего знакомства, более или менее близкого, с Серафимом Христофоровичем у меня накопилось громадное количество его писем, совершенно не имеющих ни малейшего отношения к газете. То он просил навести справки в суде о деле какого-нибудь ростовского мещанина, голодающего со своей семьей. То надо было хлопотать перед консулом о паспортах армян из Турции, то умолял собрать что-нибудь для заболевшего священника. Серафим Христофорович всегда о ком-нибудь хлопотал, кого-нибудь защищал, и это действительно доставляло ему громадное нравственное удовлетворение в его поистине без преувеличения подвижнической жизни, полной труда, горьких разочарований, материальных лишений, забот, травли, непрерывной нервной тревоги».*

Оценка общественных хлопот С. Х. Арутюнова, цитируемая выше, реалистична и спокойна. Абрам Тараховский сделал ее уже в зрелом возрасте и в связи с кончиной Арутюнова. Но в конце 1890-х годов, особен-

Серафим Христофорович
Арутюнов

но в первые годы после образования акционерного общества, сотрудники «Приазовского края» то и дело предъявляли своему редактору, как бывает в газетно-издательском деле, немало претензий. Тот же Тараховский вспоминал с запоздалой горечью: «...мы, тогда еще молодые, не могли мириться со многими ненормальностями издания газеты, и все более и более предъявляли претензии к редактору. Ему ставили в вину и притеснения цензуры, и вмешательство администрации, и давление издателей и даже то, что редактор занимается широкой общественной деятельностью».

Удивителен ответ С. Х. Арутюнова сотрудникам во время одного из таких конфликтов. Он приведен одним из членов редакции в воспоминаниях о С. Х. Арутюнове: «Что ж, господа, судите меня! Я готов дать ответ на все. Совесть моя чиста, я делаю все, что могу, что в силах, если я не гожусь, решите и скажите... я уйду. Может быть, найдется другой, который подавит и цензуру, и издателей, и не будет заниматься общественной деятельностью, а я не могу... Газета дает мне лишь мучения, она сделала меня старше на 20 лет, а общественная деятельность дает мне отдых... Судите меня, я сделаю все, что вы постановите...».

Столь нестандартная реакция руководителя погасила недовольство внутри редакции. Но... лишь на время. В 1899 году при очередном конфликте значительная часть сотрудников во главе с Н. Розенштейном покинула «Приазовский край». Серафим Христофорович воспринял это событие как личное поражение: «Если бы они знали, что я переживаю, – говорил он А. Тараховскому, будучи в Таганроге, – они поддержали бы меня, а не бросили... Если бы они могли это понять, и я думаю, они это поймут, когда-нибудь, может быть, не скоро... Я создал газету, я спас ее ценою своего разорения от гибели, а теперь я сам подчиненный, я потерял силы, постарел, а газета растет, развивается». И бедный редактор, преждевременно состарившийся, весь в морщинах, заплакал...» Кстати, об утрате сил и старении редактора «Приазовского края» Шиллер из Таганрога высказался вполне однозначно: «Я убежден, что Серафим Христофорович, если бы не газета, прожил бы не 63 года только, а, может быть, 82 или более».

Впрочем, ушедшие из редакции очень скоро, скорее, чем даже предполагал С. Х. Арутюнов, осознали, что, уйдя, они больше утратили, чем обрели. Ведь все познается в сравнении... И постепенно к «редактору-товарищу» вернулись все, покинувшие газету, кроме Н. И. Розенштейна.

Н. И. Розенштейн возвратиться в «Приазовский» просто не успел, так как вскоре его не стало. Но совершенно очевидно, что мечтал об этом. Будучи заведующим редакцией московской газеты «Русское слово», он писал А. Б. Тараховскому: *«Я потолкался среди многих редакций, но, Боже мой, теперь только я понял, как несправедливы мы были к Серафиму Христофоровичу. Какой это джентльмен, какой сердечный человек, какой товарищ и друг сотрудников! Ничего подобного я не встретил нигде! ...Тяжело мне. После того, что я здесь пережил и переживаю, гг. Арутюнов, Кундури и Хатранов представляются мне благороднейшими людьми, джентльменами, с которыми так легко и приятно работать»*. Заметим, что общение с издателями «Русского слова», похоже, подвигло Н. Розенштейна на иную, чем ранее, оценку не только Серафима Христофоровича, но даже и владельцев ростовской газеты.

И. Печковский (И. Чужой) вернулся в «Приазовский» из новочеркасской газеты одним из первых. Он описал свое возвращение следующим образом: *«Не прошло года, как я почувствовал себя просто... в дурном обществе. И помышлял о старом пепелище. В Новочеркасске встречаюсь с Серафимом Христофоровичем. Осторожный и прозорливый, он предвидел последствия моего перехода. Тихонько спрашивает меня при встрече и чуть-чуть улыбается:*

– Ну, как вам работается у них? Довольны?

– Нет.

– А если нет, вы опять к нам. Уходя из «Приазовского», вы нас не ругали и не делали разных демонстраций, как другие. Значит, все слава Богу».

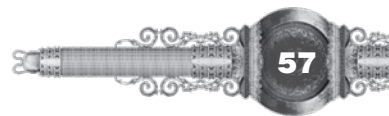
Я поблагодарил С. Х. Он улыбнулся еще больше:

– Только знайте, когда вы от них опять к нам, ой, будут они вас в своей газете ругать ругательски.

<...> Предсказания прозорливца сбылись в наибольшей степени. Та газета после моего ухода, с места стала меня, действительно, «ругать ругательски». Инсинуации, клевета, печатные доносы пестрили на протяжении десятилетия. Я молчал, и по брезгливости не возражал. Но как-то раз не выдержал. И Серафим Христофорович при встрече пожурил меня:

– Охота вам было... Вон они еще больше оцетинились. Кому возражать! Надо держаться русской поговорки – собака лает, ветер носит.

Говорил он это просто, без признака малейшей злобы, хотя «они» также злословили его в печати».

Новочеркасск. Дворцовая площадь

А. М. ГРЕКОВ И «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ»

Очевидно, за долгие годы своего редакторства С. Х. Арутюнову удалось привить своим сотрудникам этот принцип незлобиво игнорирования недружелюбных, мягко говоря, нападок и характеристик «Приазовского края» в печати. Этот тон сохранялся и после кончины основателя газеты и ее редактора. Приведу лишь один пример, на мой взгляд, наиболее яркий.

В 1912 году в Петербурге вышла в свет очень любопытная книга А. М. Грекова «Приазовье и Дон. Очерки общественной и экономической жизни края». Присутствовала в ней весьма нелестная характеристика газеты «Приазовский край». Именно Греков первым презрительно назвал «Приазовский край» «акционерной простыней» и заявил, что «у таких газет никогда не бывало ни того, что называется «направлением», ни нравственной связи сотрудников, ни привязанности их к газете». Увы, эту характеристику газеты С. Х. Арутюнова позже с удовольствием повторил ростовский краевед-любитель советской эпохи С. Швецов. С его «легкой» руки эта оценка «Приазовского края» получила распространение большее, чем того заслуживала.

Оценка газеты А. М. Грековым, несомненно, была известна сотрудникам «Приазовского края». Ведь редакция получала все более или менее значимые литературные новинки сразу же после их выхода в свет. Обычно публиковалась либо рецензия на книгу, либо ее аннотация. В данном случае никакой реакции на «Приазовье и Дон» не последовало. Спустя несколько месяцев после выхода книги А. М. Греков скончался.

В «Приазовском крае» появился некролог, написанный кем-то из коллегива, в котором нравственных связей, согласно версии ушедшего, не было и быть не может. Цитирую его фрагмент: *«Несомненно талантливый человек, с большими знаниями и эрудицией, Андрей Михайлович как-то не привился к краевой прессе, ни к прогрессивной, ни к правой, к которой он перешел в последние годы. В нем, как это ни странно, уживались два человека: с одной стороны – яркий прогрессист, обличавший все несовершенство современного режима, с другой – консерватор и националист... Самые яркие статьи его, резкие и смелые, были напечатаны в «Приазовском крае» 12 лет назад. Между прочим, за его статьи по настоянию обер-прокурора Синода Победоносцева была воспрещена розничная продажа «Приазовского края» на шесть месяцев и получено два предостережения».*

Думаю, что комментарии в этом случае излишни. Кроме замечания о том, что интеллигентное, нарочито холодное отношение к надуманным лживым оценкам и оскорбительным выпадам, которые много лет демонстрировал в редакции Серафим Христофорович, его сотрудники восприняли и хорошо усвоили.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ИЛИ «ХОЖДЕНИЯ ПО ТЕРНИЯМ»

В завершение характеристики условий редактирования газеты С. Х. Арутюновым остановимся на судебных процессах, сопровождавших «Приазовский край» практически весь период его издания. Наибольший интерес представляют те из них, что проходили в эпоху предварительной цензуры (до 1906 года). Это были процессы по частным искам о клевете или диффамации, на которых редактор присутствовал чаще всего вместе с авторами публикаций и юрисконсультом газеты, а иногда – в одиночестве.

Удивительно, но истцы, как правило, не оспаривали факты, приводимые газетой. Наум Розенштейн, заведующий редакцией, публиковавшийся под псевдонимом Пикквик, в 1896 году в связи с благополучным для газеты исходом одного из процессов писал, что редакция заранее была уверена в оправдательном приговоре, *«так как... не имеем обыкновения печатать в «Приазовском крае» облыжных вещей, не основанных на фактах»*.

Обычно податели исков либо оказывались недовольны трактовкой фактов, либо умудрялись прочесть нечто между газетных строк и оскорбиться по этому поводу. Между тем по Уложению о наказаниях газета признавалась виновной в клевете или диффамации лишь в том случае, если публикация основывалась на недостоверных фактах. Авторские интерпретации суд в расчет не принимал. Поэтому большинство исков к газете отклонялись. Был и еще один вариант завершения тяжбы – заключение мирового соглашения сторон. Такое тоже бывало в истории судебных преследований «Приазовского края».

В качестве небольшого пояснения к этим самым оправдательным приговорам приведу фрагмент протокольной записи судебного процесса по делу о диффамации, возбужденному против С. Х. Арутюнова начальником Черноморского округа (май 1896 года). Он представляется интересным и не нуждающимся в комментариях.

Южный телеграф. 1907.
30 сентября

– Знаешь, что? Догоним этого господина и крикнем ему: «Руки вверх»!
– Бесполезно, это редактор газеты. Он уже оштрафован 14 раз за два месяца.

Итак, выездная сессия Харьковской судебной палаты в Ростове – самый удобный вариант рассмотрения иска для ответчиков от лица газеты: не надо ехать ни в Таганрог, ни в Новочеркасск. Выступает товарищ (заместитель) прокурора округа этой судебной палаты В. П. Родзянко. Он произнес следующее:

«На основании 1039 ст. Уложения о наказаниях закон преследует оглашение в печати о частных и должностных лицах обстоятельств, позорящих их честь, достоинство и доброе имя. На нашей обязанности лежит карать виновных в этом. Обращаясь к обстоятельствам дела, я не усматриваю точно указанных лиц, которые бы оскорблялись корреспонденцией из Новороссийска. Хотя дело и начато жалобой начальника Черноморского округа, но где основания, устанавливающие состав преступления против него и предусмотренные 1039 ст.? Почему он именно счел себя оскорбленным – это трудно сказать... На печати лежит обязанность будить общество, а не усыплять. Сообщая факты, не поддающиеся наблюдению должностных лиц, печать расширяет кругозор общественной мысли. Если бы печать подвергалась преследованию в таких случаях, как данный, то она сделалась бы ничтожной и обратилась бы в протокольный перечень фактов, лишенных всякого интереса. Вот почему я в данном случае обвинение поддерживать отказываюсь». Адвокату при такой прокурорской речи просто нечего уже было делать.

Процессы, между тем, следовали один за другим. Автор передовицы, посвященной десятилетию газеты, отмечал: *«Следя за судебнo-литературной хроникой, мы не усматриваем нигде такого количества процессов, которое возникает у нас, невзирая на нашу относительную осторожность... На этой почве нам приходилось сталкиваться с представителями всех сословий и профессий... Мы затрудняемся даже определить точное число судебных дел, в которых нам приходилось уже фигурировать в качестве обвиняемого. Достаточно указать на то, что в течение только двух последних месяцев (опубликовано 1 января 1901 года. – Н. С.) семь раз призывали нас к Фемиде на расправу».*

В период существования карательной цензуры (1906–1916) процессы стали проходить чаще и завершались, как правило штрафами, налагаемыми на редактора и (или) автора материала за нарушение цензурных требований. Сумма штрафов варьировалась, в среднем составляя двести–триста рублей.

Тираж газеты с возмущившей цензора публикацией мог быть запрещен к продаже и конфискован. Возможна была и приостановка издания, как временная, так и постоянная. Впрочем, последняя мера применялась редко. Слишком радикальными должны были быть публикации газеты, чтобы приостановить издание. Тем более без права обновления выпуска.

Радикализм не был присущ умеренному, тяготевшему к тщательной проверке публикуемой информации «Приазовскому краю». Новочеркасский сотрудник «Приазовского края» И. Печковский отмечал умение Серафима Христофоровича *«ходить по острым терниям осторожности»* во взаимоотношениях с цензурой. Вспоминал он, как при знакомстве с ним С. Х. Арутюнов определил свое редакторское кредо: *«Наша газета умеренная: пусть ее не закрывают. Когда придет хорошее время, мы скажем большее и лучшее, чем говорим теперь. Ох, нужна осторожность!»* Печковский-Чужой приводил и опасения редактора «Приазовского края», которыми тот как-то поделился: *«Знаете, что самое страшное я вижу часто во сне, отчего, когда проснусь, даже моя лысина мокра. Я вижу, что приостановили нашу газету. Какой это ужас. Ведь у нас служащих до двухсот человек. И всех, значит, на улице»*.

Очень интересный случай, который характеризует умение С. Х. Арутюнова ходить по «острым терниям осторожности» во взаимоотношениях с цензурой, описал в своих воспоминаниях о «редакторе-товарище» А. Тараховский. Относится он ко времени, когда газета цензуровалась в Новочеркасске, а цензор вдруг перестал допускать к печати статьи Шиллера из Таганрога о некоем городском общественном деятеле. Далее лучше цитировать образное изложение действий Серафима Христофоровича самим Абрамом Борисовичем. Цитата, несомненно, объемна, но представляется мне очень уместной – и содержательно, и по стилю – в контексте характеристики личных качеств и умений основателя и редактора «Приазовского края». Его способности креативно обходить острые углы человеческих взаимоотношений, деликатно и аргументированно убеждать собеседника в своей правоте показаны так ярко, что заслуживают внимания и современного читателя. Итак, Шиллер из Таганрога написал:

«Вдруг получаю от С. Х. письмо: «Цензор зачеркивает ваши статьи об Н. Что это значит? Приезжайте, посоветуемся». Я поехал. С. Х. искренне возмущен:

Новочеркасск. Здание областных присутственных мест.

– Ну, если нам начнут запрещать писать о всяких управах – купеческих и мещанских обществах, тогда хоть газету закрывай.

– Знаете что, – сказал я, – я поеду к атаману. Покажу ему статью. Ведь это же произвол!

– Нет, так нельзя. Обидим цензора, еще хуже будет. Лучше вот что. Поедем все в Новочеркасск. Я, вы, заведующий редакцией, секретарь, кое-кто из сотрудников... И поговорим с цензором.

Так и сделали. Тогда заведовал новочеркасским отделом Н. В. Туркин, послали ему телеграмму с сообщением, что «едет вся редакция». Он позаботился об обеде, а я с С. Х. отправились к цензору.

– Знаете, – сказал он цензору, – мы на вас походом. Приехали полным составом.

– Что случилось? – удивился цензор.

– Как что? – вспыхнул я гневом. – Вы меня зарезали. Я вот собрал все зачеркнутые статьи и хочу прямо к атаману... – Цензор покраснел.

– Вот зачем вы приехали... Но право, я не виноват. Мне надоели из Таганрога, просят не пропускать. Один так даже плакал. Ну, грешный человек, жалко стало.

– Конечно, это очень хорошо, – сказал С. Х., – что вам жалко стало, только нас вы знаете не первый год, а тех совсем не знаете. Как же им вы больше поверили, чем нам. Раз постоянный старый сотрудник написал, а редактор пропустил, то имели они, вероятно, достаточно серьезные основания. Эдак к вам каждый день будут приходиться с жалобами... И притом, – добавил Серафим Христофорович, – вы не судья и вовсе не обязаны разбираться, кто прав, кто виноват. Обязанности цензора точно указаны в цензурном уставе, и мне кажется, что вы вышли из установленных рамок...

– Ах, эти обязанности цензора! Я бы с удовольствием отдал их кому угодно... Но зачем же приехала вся редакция?

– Для нас это чрезвычайно серьезный вопрос. Вы знаете, как стеснена печать. Вы знаете, что из нашего ведения изъяты чуть ли не 9/10 государственной и общественной жизни. Так предоставьте нам хоть эту десятую часть обсуждать свободно, как мы по совести находим нужным. Если мы неправы, недобросовестны, то это уже дело суда, а не цензора... Вот мы и приехали все, чтобы поговорить с вами самым мирным образом за бокалом вина. В 4 часа у нас обед и мы приглашаем вас...

– Вот вы какие... Ну, хорошо, давайте ваши статьи, – обратился ко мне цензор – и на всех гранках сделал надпись: «Печатать разрешается».

– В четыре часа я приеду обедать. Еще кто-нибудь будет?

– Да, мы пригласили некоторых лиц...

– Это хорошо, а то могло бы выйти, будто вы специально приехали закармливать цензора...

Обед состоялся. Шумный, веселый, с остроумными речами, тостами за свободу печати и... за здоровье цензора! В заключение цензор должен был сказать, что он преклоняется перед сплоченной редакционной семьей и ее тесным единением, что отныне он будет не только цензором, но и другом газеты. Так умел Серафим Христофорович сквозь тернии и всякие мучительные мытарства, при помощи неустанной тонкой борьбы отвоевывать хоть жалкое подобие свободы слова, которая даже по узко местным вопросам всегда терпела гонения и давления...»

ЦЕННОСТИ ГАЗЕТЫ «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ»

Переходя к содержательной стороне публикаций «Приазовского края», замечу, что в исторической литературе газета позиционируется прежде всего как достаточно широко известное в читающей России провинциальное издание умеренно либерального характера. Статья о ней даже была включена в энциклопедию «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века», вышедшую в 2010 году в московском издательстве РОССПЭН. Однако политическое лицо газеты определилось сравнительно поздно, лет через пятнадцать–семнадцать после начала ее издания, когда в годы первой российской революции произошло партийно-политическое структурирование общества.

Политический облик газеты будет охарактеризован, но не с него следует начинать содержательный анализ издания, основанного Серафимом Христофоровичем. Моя многолетняя работа над годовыми подшивками «Приазовского края», которая началась через три-четыре года после написания статьи для вышеупомянутой энциклопедии, все еще продолжается. В процессе этой работы у меня сложилось совершенно иное представление о социокультурном облике газеты, ее месте и роли в общественной жизни края в конце XIX – начале XX века.

Представляется более правильным и интересным акцентировать культурно-просветительскую роль «Приазовского края», которая давно

и надежно забыта и общественным сознанием, и историками культуры России, и краеведами. Если знакомиться с текстами газеты не наскоком, не для того, чтобы найти подтверждение тому или иному суждению или уже готовой оценке, заданной сиюминутными обстоятельствами, то просветительский характер доминирующей части публикаций – и больших очерков, и маленьких заметок – становится очевиден. Обширная программа содержания газеты была характерна для «Приазовского» и в 1891–1894 годах, и впоследствии. Выбор объявления о подписке на 1895 год связан лишь с более приемлемым качеством изображения.

Впрочем, связный текст о целях издания и его роли в развитии края появился на страницах «Приазовского края» сравнительно поздно – в передовице, посвященной 10-летию его издания. В ней очень отчетливо определена цель газеты: *«Служение интересам обширного района, в состав которого входит несколько областей и губерний, пестреющих различными национальностями и элементами, нередко сталкивающимися на экономической почве, а также выяснение его духовных и материальных нужд в тесной связи и полной гармонии с интересами нашего отечества – составляет основную цель нашей газеты».*

Далее провозглашались основные принципы просветительства, прекраснородушного и неискоренимого в умах тех представителей российской интеллигенции, которые сформированы были, как и Серафим Христофорович Арутюнов, эпохой первой российской оттепели, временем реформ 1860–1870-х годов: ***«Экономический рост и широкое распространение просвещения, несомненно, создадут благоденствие края, где в сознании населения пробудятся и окрепнут гуманные и законосообразные начала всякого нормального общежития, причем процесс самодеятельности общества в свыше санкционированных формах получит дальнейшее свое развитие».***

Иными словами, по мысли автора текста, благоденствие края обусловлено экономическим ростом и широким распространением просвещения. Благодаря просвещению в сознании обывателя постепенно «пробудятся и окрепнут» гуманные и сообразные законам правила «нормального» общежития и будет развиваться самодеятельность населения – «в свыше санкционированных формах». Здесь мы видим все родовые признаки просветительства: и представление о факторах общественного прогресса; и великие надежды на просвещение насе-

ления; и веру в появление законов, способствующих развитию самодеятельности общества; и представление о том, что законы эти и формы организации общества будут санкционированы «свыше», властями предрешающими.

В соответствии с заявленными просветительскими принципами описаны и непосредственные задачи газеты. Это, во-первых, **«преимущественная разработка местных и краевых вопросов и нужд по всем отраслям жизни – умственной, экономической и торгово-промышленной»**; во-вторых, поиск **«по мере сил и возможности... средства и пути, которые кажутся ей (газете. – Н. С.) правильными и целесообразными и могущими способствовать к упорядочению и оздоровлению этой жизни»**. Обращает на себя внимание приоритетность вопросов и нужд интеллектуальной жизни краевых обывателей, поскольку именно с умственным прогрессом населения просветитель связывает обычно перспективы общественного прогресса в целом. При этом все средства и пути, которые газета подсказывает по мере сил краевому обывателю, должны быть направлены на то, чтобы способствовать упорядочению и оздоровлению условий его, обывателя, жизни.

Передовица эта не была подписана, что таким статьям обычно и свойственно. Автором текста, для газеты столь значимого и опубликованного 1 января 1901 года, то есть в первый день не просто нового года, а нового века, мог быть либо заведующий редакцией (в то время В. А. Хавкин), либо сам ответственный редактор. На мысль о том, что программная передовица написана самим С. Х. Арутюновым, наводит предельная информативность текста. В процитированных выше небольших фрагментах я насчитала четырнадцать смысловых единиц! Так излагать свои мысли мог только человек, обладавший талантом составлять записки и доклады, представляемые по бюрократической вертикали, – максимум содержания при минимальном количестве фраз и предложений. Что ж, именно в этом деле Серафим Христофорович и поднаторел за годы своей муниципальной и общественной деятельности.

Цели и принципы, обнародованные на исходе десятилетия издания «Приазовского края», позволяют сегодня утверждать, что газета была задумана С. Х. Арутюновым как большой просветительский проект для целого региона России. И все личные жертвы, на которые пошел ее основатель, были принесены им во имя успешной его реализации.

П. Т. ГЕРЦО-ВИНОГРАДСКИЙ
(ЛОЭНГРИНЬ)

Лозенгринь
П. Т. Герцо-Виноградский
(Лозенгринь). Шарж А. В.

Творческий коллектив редакции разделял взгляды основателя газеты и предложенную им программу деятельности. В «Приазовском крае» приживались лишь сотрудники – единомышленники основателя газеты. Несогласные с этой платформой уходили: А. Свирский, А. Греков, А. Серафимович и др.

На двадцатом году издания «Приазовского края», в январе 1911 года, член редакции А. Тараховский отмечал: *«Любой журнал или газета, любой сборник имеют свою определенную физиономию, свое направление, определенный состав сотрудников, одинаково мыслящих, строго охраняющих программу и физиономию издания»*. Автор противопоставлял такое единение разброду и шатанию в театре 1910-х годов, изложив одновременно чисто просветительские воззрения о роли театра в обществе как школы жизни.

Год спустя, когда газета выпускалась уже без ушедшего из жизни С. Х. Арутюнова, просветительский подход к пониманию роли газеты в обществе, который исповедовал ее основатель, продемонстрировал еще один член редакции, П. Т. Герцо-Виноградский (Лозенгрин). Содержание его фельетона «Торжествующее болото» – яркое свидетельство верности коллектива «Приазовского края», творческому пути, некогда заданному газете С. Х. Арутюновым и направленному на идейно-эстетического воспитания читателя.

Разделяя эти идеи, Лозенгрин критиковал заявление руководства бульварной газеты, или, как он пишет, *«профессиональной уличной газеты»*, «Киевская почта» о месте и роли периодических изданий в обществе. С отвращением цитировал он лозунг журналистов подобных изданий: *«Кто хочет учиться, тот возьмет не газету, а книгу»*, – а также их принципиальную, если так можно выразиться, позицию: *«Давайте что-нибудь свежее, живое, чтобы в башке обывателя сквозным ветром продуло»*, потому что и сам *«читатель начинает рыло воротить от направления, как кошка от соленого огурца»*.

Лозенгрин возмутила прежде всего сама лексика манифеста сотрудников «Киевской почты»: *«Принцип башки вместо головы недаром провозглашается. Новому «журнализму» нельзя отказать в том инстинкте, с которым он смело набрасывается на прежние журнальные позиции. Он чувствует своего читателя подобно тому, как содержатель цирка на Пасхальной неделе чувствует своего зрителя. Он учитывает идущего повсюду хама, с которым не на языке же Добролюбова и Писарева разговаривать»*.

Театральный рецензент и колумнист «Приазовского края» отметил и смысловой цинизм программных установок бульварного издания, изложив его следующим образом: *«Улице не потворствовали. Улицу вели к кафедре. Какая роковая ошибка! Да ведь улица совсем не этого хочет. Ей давайте клоунаду. Пройдитесь вверх ногами перед ней. Употребите нецензурное словцо. Улица будет гоготать. И по копейке набросает вам в шапку денег для вашего развеселого существования».*

П. Т. Герцо-Виноградский выразил негативное отношение свое и своих коллег к тенденции, обозначившейся в начале прошлого века в газетном деле, и еще раз заявил о приверженности редакции идеям просветительства и просвещения. «Приазовскому краю», благодаря принципам, заложенным Серафимом Христофоровичем, эволюция, подобная той, что произошла с «Киевской почтой», не угрожала ни со стороны издателей, ни со стороны редакции!

В 1916 году в юбилейном номере «Приазовского края» В. Швейцер, несколько лет проработавший в нем театральным критиком, уже оставивший редакцию, но не утративший связи с газетой, в своем приветствии заявлял: *«Приазовский» нашел счастливую позицию: он не читает нотаций от имени геморроидального принципизма и он не канканирует. С его страниц говорит полным голосом принцип общественный!»* Это заявление подтверждается анализом ряда тематических публикаций газеты за годы ее издания.

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ГАЗЕТЫ

Не ограничиваясь цитированием лишь редакционных заявлений программного характера, перейду к характеристике некоторых тематических блоков публикаций «Приазовского края». Охарактеризовать весь массив не представляется возможным. Поэтому, не без сожаления, оставляю в стороне публикации о новинках науки и техники, достижениях естествознания, статьи, посвященные проблемам экономического развития края, публикации на темы истории отечества и истории русской и мировой культуры.

Тематические блоки, выбранные для описания, присутствовали в газете на протяжении практически всех лет ее существования. В них отчетливо проявились тенденции просвещать провинциального обывателя, формировать его потребности и вкусы. Во-первых, это муниципальная тематика: фельетоны, заметки, письма, хроника городских избиратель-

Предвыборный период.
Погоня за счастьем.
Рис. А. Воронцового

ных кампаний, карикатуры и прочее. Во-вторых, это блок многообразных литературных публикаций. И, наконец, в-третьих, столь же насыщенный разными текстами блок публикаций о театре.

ВОСПИТАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЯ

Муниципальные темы были значимыми для редакции «Приазовского края» с первых дней существования издания. Очередные муниципальные выборы состоялись через несколько месяцев после выхода в свет ее первого номера. А год спустя, в январе 1893 года, выборы гласных городских дум были проведены снова, уже на основе введенного в 1892 году высокого имущественного ценза. Учитывая активную работу в городском самоуправлении самого С. Х. Арутюнова, издателя и редактора газеты «Приазовский край», газета не могла остаться в стороне от этих событий.

В ходе избирательной кампании 1893 года газета отмечала как апатию избирателей, число которых существенно сократилось в связи с переходом от налогового к имущественному избирательному цензу, так и отсутствие предвыборной агитации. Именно эту лакуну сотрудники ежедневной газеты и постарались заполнить, сформулировав свою задачу в виде шутки с большим привкусом горечи: «...выборная агитация фабрикуется у нас репортерами, все равно как весна фабрикуется в Петер-

бурге дворниками». В публикациях газеты той поры речь шла о мотивах участия в выборах той или иной группы избирателей; о том, что активно участвуют в выборах только те, кто желает занять место в думе и управе, радея при этом отнюдь не об интересах города и городского хозяйства.

По завершении избирательной кампании в мае 1893 года газета опубликовала на своих страницах серию статей о неотложных нуждах города, поставив во главу угла необходимость оздоровления санитарной ситуации в Ростове. Обращены эти публикации были не столько к читателям, сколько к гласным «подновленной» городской думы, что выглядело и своевременным, и уместным после бедствий 1892 года, когда вслед за эпидемией сыпного тифа в Ростов пришла холера, унеся множество жизней горожан.

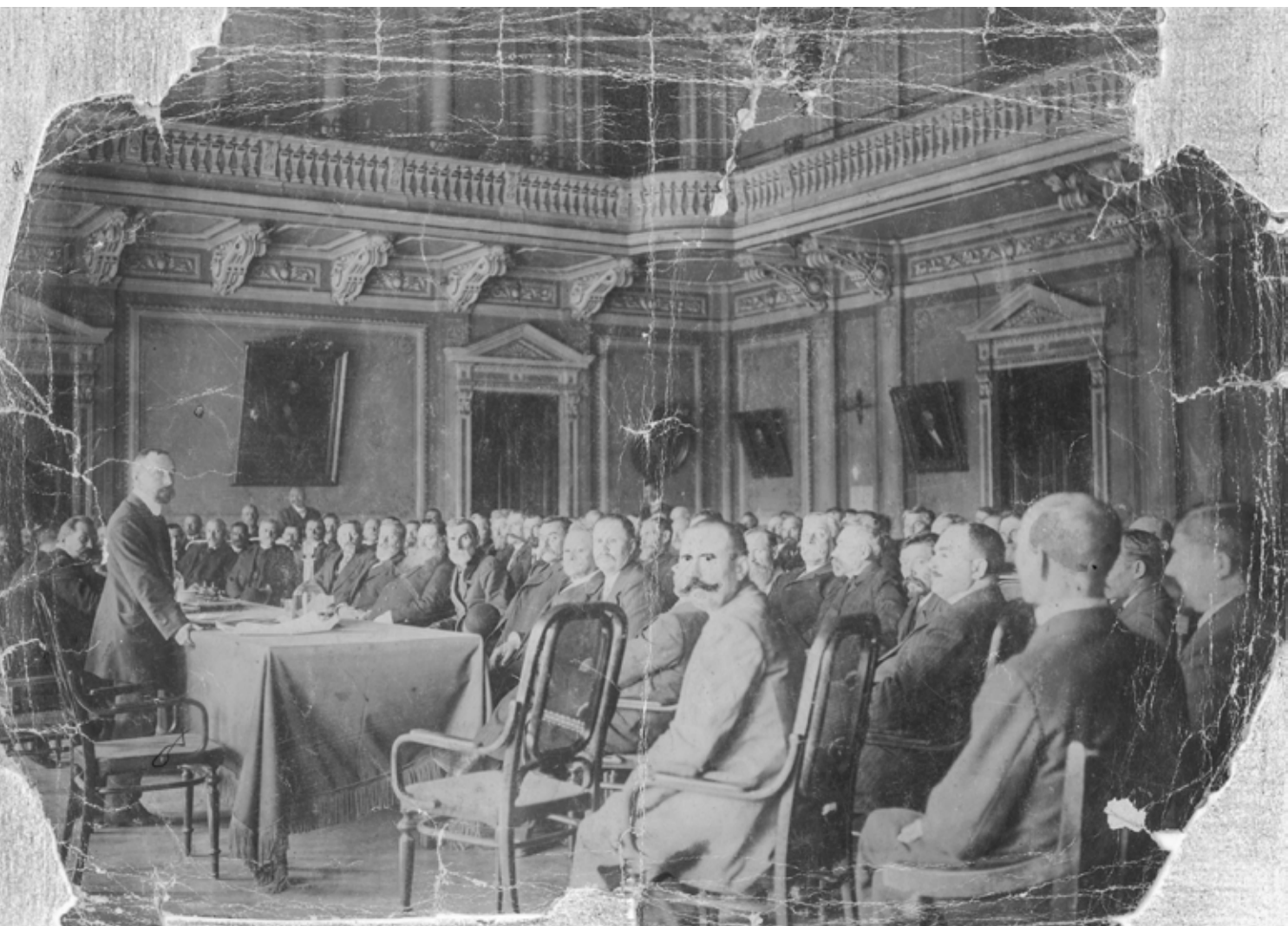
С этого времени оценка действий краевых дум и управ на исходе очередного срока полномочий того или иного созыва и перечень первоочередных задач городского развития, которые формулировались на

Отцы города – члены Ростовской городской думы

Заседание Ростовской
городской думы

страницах газеты для городского избирателя, стали постоянной заботой сотрудников редакции «Приазовского края». И если в 1893 году речь шла в основном о выборах в Ростове, то с образованием отделений газеты появились аналогичные публикации по Нахичевану, Таганрогу, другим городам юго-востока России. Газетные публикации вызывали раздражение и неприятие у консервативно-патриархальных представителей думских гласных и членов управ. (К слову сказать, в «Приазовском крае» они частенько именовались «стародумцами».) Но игнорировать выступления газеты от выборов к выборам становилось практически нереальным.

Нет возможности, да и необходимости излагать сколько-нибудь подробно участие газеты в каждой избирательной кампании. Они происходили раз в четыре года, и от выборов к выборам этой тематике уделялось все больше внимания и места на страницах «Приазовского края». Остановимся лишь на некоторых моментах, характеризующих просветительскую роль руководимой С. Х. Арутюновым газеты.

Особенно примечательна, на мой взгляд, попытка объяснить читателям и, следовательно, цензовому избирателю изменения, которые произошли в формировании и принципах деятельности городских дум и управ с принятием Городового положения 1892 года, и способствовать тем самым правильной и сбалансированной оценке возможностей городского самоуправления в организации городского хозяйства. Произошла эта попытка накануне муниципальных выборов 1897 года.

В «Приазовском крае» был опубликован цикл из шести статей Г. Шрейдера под общим названием «Вопросы городского управления». Преследовал он сугубо просветительские цели. Так, определены были принципиальные различия между Городовыми положениями 1870-го и 1892-го годов с тем, чтобы избирателю стало понятно, что в деятельности городского самоуправления *«приходится ставить на личный счет избранных и что – на счет данных условий их деятельности»*.

Автор подчеркнул, сколь значимо для деятельности городского самоуправления выведение городских управ из-под контроля городских дум и подчинение их контролю местной администрации. Дума, ставшая своего рода *«советом при управе»*, по мнению автора, *«не может ей ни особенно содействовать, ни особенно противодействовать»*. Городской управе, в свою очередь, *«приходится служить одновременно двум господам: с одной стороны, воля и желания думы, с другой – дамоклов меч дисциплинарного взыскания»*. И горожанам следует это учитывать при оценке действий гласных дум и членов городских управ.

Еще один критерий оценки работы городского самоуправления, предложенный Г. Шрейдером и доступный мало-мальски образованному обывателю, – сопоставление доходных и расходных статей городских бюджетов, которые управы обязаны были публиковать. Сам он в качестве образца сопоставил ростовские городские бюджеты 1892-го и 1897 годов и показал удвоение городских налогов (с двух до четырех рублей с каждого налогоплательщика) при увеличении в два раза за те же годы городского долга и

Комментарий историка

Цикл очерков Г. Шрейдера, опубликованный в «Приазовском крае», интересен еще и тем, что он стал основой солидной монографии автора, вышедшей спустя пять лет в столице отдельным изданием.

Работа Г. И. Шрейдера «Наше городское общественное управление. Этюды, очерки и заметки» (СПб. 1902) – наиболее обстоятельный анализ условий формирования и деятельности российских городских дум и управ во всей дореволюционной литературе. Генетическая связь между публикацией в «Приазовском крае» и монографией несомненна, а примеры из деятельности ростовских думы и управы дополнены были сюжетами о работе муниципального управления в Нахичеване, Таганроге и в других российских городах за 1893–1901 годы.

Серия заказанных С. Х. Арутюновым Григорию Шрейдеру статей положили начало его исследовательской работе о городском самоуправлении в царской России. Позже все эти статьи легли «Наше городское общественное самоуправление», вышедшей в Петербурге в 19002 году.

росте на 44 процента расходов по содержанию управы. Возможно, именно эта статья Шрейдера и вызвала острую реакцию ростовских «отцов города», запретивших сотрудникам «Приазовского края» входить в здание городской думы во время выборов 1897 года и присутствовать при голосовании.

В 1897 году большинство читателей газеты вряд ли способно было по достоинству оценить аналитические статьи, заказанные редактором С. Х. Арутюновым Г. Шрейдеру. Похоже, и сама редакция впоследствии осознала, что эта публикация сделана с расчетом «на вырост» читателя. Автор передовицы в номере за 1 сентября 1901 года, отмечая 10-летие со дня выхода первого номера «Приазовского края», писал: *«Начав издание газеты, мы на месте не нашли контингента читателей, особенно для большого ежедневного органа. Задачу приготовления читателей газета сама должна была принять на себя и постепенно создать этот совершенно новый для нашей местности класс лиц»*. В этой же статье были отмечены и первые успехи в решении этой задачи, хотя автор и признавал, что пока они не очень значительны.

Самим сотрудникам газеты аналитический очерк Шрейдера и предложенные им критерии оценки действий муниципальных властей оказались очень полезны, о чем свидетельствовали публикации «Приазовского края» по муниципальным вопросам в последующие годы.

Как краевая газета «Приазовский край» отслеживал избирательные кампании, а также действия дум и управ в городах края. Причем по мере роста числа отделений на местах это внимание становилось все более пристальным. Информация собственных корреспондентов дополнялась письмами горожан в редакцию о проблемах местного благоустройства, а во время каждой избирательной кампании подводились итоги очередного четырехлетия работы муниципалитетов.

Накануне городских выборов 1901 года газета опубликовала передовицу, озаглавленную «Дефекты Городового Положения». Отрицательная оценка действий краевых городских дум и управ сопровождалась объяснением причин плохого состояния дел по благоустройству и развитию городов. По мнению редакции «Приазовского края», Городовое Положение 1892 года предоставило «монополию участия» в городском самоуправлении лишь узкой группе лиц, мало заинтересованных как в благоустройстве города в целом, так и в благополучии городского населения.

«Странно было бы и думать, – отмечал автор статьи, – что наши городские дела могут идти иначе; странно было бы ожидать, чтобы городские думы, в большинстве наполненные лишь представителями немногочисленного класса городских жителей, стали проявлять заботливость о положении остальной массы этого населения. Странно было бы думать, чтобы гласные, пользуясь для своих детей средне-учебными заведениями, проявляли особую заботливость о развитии начальных школ, которые для их детей не нужны, и т. д.».

Выход из сложившейся ситуации редакция газеты видела в предоставлении избирательных прав «решительно всем плательщикам городских сборов с сохранением одного разряда избирателей, без деления их на имеющих большие и меньшие права», которые существовали по Городово-

му Положению 1870 года. Иными словами, ставился вопрос о пересмотре существующих принципов формирования городского самоуправления.

Между процитированными выше фрагментом передовицы и карикатурой (стр. 68) – временной разрыв в двенадцать лет, многолетний опыт издания газеты и несколько городских избирательных кампаний. Ведь выборы проводились на основе все того же Городового Положения 1892 года. И в каждой из кампаний наибольшую активность проявляла преимущественно та часть избирателей, которая желала сохранить за собой места гласных или обрести этот статус, а также интересанты, связанные с первыми деловыми отношениями.

Что могла сделать газета, чтобы привлечь к выборам хотя бы ту часть имущих горожан, которая имела избирательные права, но их не использовала? То, что было возможно в условиях цензуры – до 1906 года предварительной, а затем карательной, – газета делала! Правда, особого успеха в решении поставленной задачи она так и не достигла.

Так, в кампании 1901 года газета попыталась сформулировать требования, которые могли бы объединить и привлечь к участию в выборах тех обладателей ценза, которые жили на городских окраинах. Регулярно появлялась на страницах «Приазовского края» особая предвыборная колонка «Заметки кстати». Ее ведущий Минас И. Берберов призывал избирателей к сознательному исполнению своего долга.

Состоятельный нахичеванец, цензовый городской избиратель и владелец небольшого пакета акций «Приазовского края», он считал показателем сознательного участия в выборах наличие предвыборных программ у тех, кто претендует стать гласным думы. *«Причем, – писал М. Берберов, – чем больше общих интересов будет затрагивать программа, тем больше сочувствия она, конечно, и заслуживает».* В качестве примера таких требований он приводил: *«улучшение питьевой воды», «увеличение числа школ», «улучшение улиц и способов передвижения», «улучшение состояния города»* и прочее. Требования были сформулированы им в самом общем виде и, похоже, адресованы не только избирателям – ростовцам и нахичеванцам. Равным образом они могли быть взяты на вооружение и избирателями других городов края. Как их конкретизировать, Берберов тоже показал в своей статье: *«...следует указывать, где, в каком месте эта нужда особенно насущна; так, может быть, мостовые – в Новом поселении, освещение за Темерником, школы в Богатынском поселении и пр.»*.

М. И. Балабанов, нахичеванский городской голова

исходили. Один из ранних и замеченных прессой инцидентов произошел в ростовской думе в 1904 году, когда ростовский городской голова П. Ф. Горбачев попытался выдворить думского репортера «Приазовского края» из зала заседаний думы, отослать на хоры, лишив удобного места для ведения записи выступлений. Когда же Н. П. Дирдовский все же занял место за столиком для прессы, голова привлек его к ответственности за самоуправство. Мировой судья репортера оштрафовал, а съезд мировых судей приговор этот утвердил. Тогда Н. П. Дирдовский, похоже, по инициативе С. Х. Арутюнова, подал жалобу в Сенат, который и отменил несправедливый приговор, одновременно разъяснив, что городской голова не вправе удалять не только представителей печати, но и остальную публику с публичных заседаний думы.

Самоуправство ростовского головы П. Ф. Горбачева благодаря прессе, как местной, так и столичной, оказалось событием резонансным. Стал он и героем публикаций известных в России юмористических журналов. «Будильник» (№39, 1904) поместил карикатуру, изобразив Горбачева в образе упитанного китайского идола и сопроводив ее следующим экспромтом:

*Дрожите! Я китайский идол!
Застоя твердый монумент. Себе давно уже я выдал
Непогрешимости патент.
Не критикуйте ж дерзновенно
Порядков думы, школ, больниц,
А предо мною неизменно
Стелитесь в прах, склоняйтесь ниц!!!*

А журнал «Стрекоза» (№9, 1904) опубликовал басню «Печать и Бургомистр». В общем и целом это была не та слава, о которой мог мечтать П. Ф. Горбачев, квалифицированный инженер и консерватор по убеждениям, раздраженный газетной критикой и вышедший за рамки своих полномочий.

Замечу, кстати, что примерно в это же время нахичеванского голову М. И. Балабанова от «славы», которую получил его ростовский коллега, спасла лишь позиция гласных нахичеванской думы. Среди них было немало лиц с высшим образованием, в том числе и юридическим. Они, во-первых, не позволили своему голове выдворить из зала заседаний репортера «Приазовского края», опубликовавшего несколько критических заметок о городском хозяйстве Нахичевана. Во-вторых, этот случай

не стал достоянием гласности. Видимо, те же думцы, после того как назревающий конфликт был погашен, решили спустить дело на тормозах. Не будем погружаться глубоко в сферу допусков и предположений, но уместно вспомнить, что С. Х. Арутюнов в это время был и гласным думы, и секретарем управы – лицом достаточно влиятельным в зале думских заседаний и, скорее всего, присутствовал во время этого эксцесса.

Накануне выборов 1905 года газетная хроника с большим интересом и сочувствием сообщала о частных и публичных совещаниях выборщиков Ростова, на которых обсуждались пункты муниципальной программы и списки кандидатов в гласные. «Приазовский край» отмечал, что на совещаниях определились «окраинская», «купеческая» и «управская» группы. Названия эти были даны самой газетой. Репортеры с негодованием описывали также действия гласных думы, еще не сложившей полномочия, по срыву совещаний избирателей, бывших в оппозиции «отцам города».

А в связи с решением ростовского городского головы П. Ф. Горбачева перенести выборы гласных с привычного воскресенья на понедельник, чтобы сделать заведомо невозможным участие в них средних и мелких промышленников, торговцев и домовладельцев, газета опубликовала «Открытое письмо к ростовским избирателям». Подписано оно было тремя достаточно влиятельными в городе лицами – гласным думы Р. И. Берберовым, Н. Е. Парамоновым и Т. М. Романченко.

Критикуя решение городского головы, авторы письма попытались воззвать «к чувству общественности» тех избирателей, для которых участие в выборах в будние дни неминуемо было сопряжено с материальным ущербом: *«При существующем ненормальном городском положении присутствие всех слоев избирателей из всех частей города более, чем что-либо, способно провести принцип справедливости в составе думских гласных как представителей всего населения города»*. Впрочем, письмо это оказалось гласом вопиющего в пустыне. В первом туре выборов участвовало менее четверти списочного состава ростовских избирателей, а на повторных дополнительных выборах в апреле – вдвое меньше. Требуемых двух третей полного состава думы не удалось выбрать ни на основных, ни на дважды проведенных дополнительных выборах.

Следующие муниципальные выборы – в 1909-м и 1913 годах – отличались большей активностью цензовых избирателей. Этому способствовали события первой российской революции: возникновение мно-

Карикатура Ростовская городская дума.

Гласные Костричин и Дедов страшны тем, что имеют склады шапок, которыми всегда готовы забросать своих противников. Рис. А. В.

гочисленных общественных объединений, профессиональных союзов, политических партий, участие цензовых выборщиков за неполных два года в трех избирательных кампаниях в Государственную думу. Благодаря последнему обстоятельству городские избиратели получили опыт и более сознательного участия в выборах, и агитации на почве той или иной платформы требований.

Уже в декабре 1908 года, когда до муниципальных выборов оставалось несколько месяцев, «Приазовский край» сообщал о начавшихся собраниях городских избирателей различной политической ориентации. Имела место и попытка, правда, неудачная, образовать «Общество избирателей». В Ростове об этом было заявлено в мае 1909 года почти одновременно с опубликованием в газете программы действий для обновленной городской думы Ростова. Но ростовский градоначальник не спешил утверждать устав этого общества, а затем подоспело и запрещение МВД (Министерства внутренних дел) Российской империи создавать подобные общества.

Программа же, составленная «прогрессивной группой избирателей» и опубликованная в газетах, получила поддержку единомышленников на городских участковых собраниях выборщиков.

ПРОГРЕССИВНЫЕ ИЗБИРАТЕЛИ, ОНИ ЖЕ ЧИТАТЕЛИ «ПРИАЗОВСКОГО КРАЯ»

Этот документ, озаглавленный «К выборам гласных», представляет особый интерес. Идеино он очень близок к публикациям «Приазовского края» о городских «нуждах и пользах», появлявшихся в газете из года в год, практически с первых месяцев издания. На страницах газеты регулярно определялись потребности городского развития. Год за годом представления о том, что городу нужно, откладывались и накапливались в сознании ее вдумчивых читателей. И вот на восемнадцатом году издания «Приазовского края» его основатель и редактор смог убедиться, наконец, что дело просвещения краевого обывателя стало приносить желанные плоды.

Оставляя в стороне критику «прогрессивными избирателями» действий старого состава гласных, обратимся к содержанию их муниципаль-

ной программы. В ней пять смысловых блоков: «народное образование»; «охрана народного здоровья»; «водоснабжение, санитария и проч.»; «финансовая политика»; «нужды окраин». О значительном воздействии просветительских публикаций газеты, основанной и возглавляемой С. Х. Арутюновым, свидетельствует содержание почти всех разделов. Однако наиболее ярко – основательная проработка ими задач по развитию городских образовательных учреждений, выдвинутых на первый план работы обновленной думы.

«Знание – сила и сила не только культурная, но и экономическая». Этот постулат составители программы вынесли в начало блока «народное образование». Приоритетной задачей они объявили скорейшее осуществление в городе всеобщего бесплатного начального обучения. С этой целью предлагалось выяснить число детей школьного возраста, проживающих в Ростове, и определить, сколько новых начальных школ должно быть открыто в центре города и на окраинах. До выяснения этих вопросов следовало открывать ежегодно по два народных училища низшего типа и раз в два года по одной начальной школе высшего типа четырехлетнего или пятилетнего обучения. При начальных школах планировалось создание вечерних курсов и воскресных школ для взрослых. Для развития внешкольного образования предлагалось образование новых бесплатных библиотек-читален и увеличение денежной поддержки существующих, а также развитие системы народных чтений и лекций, «считая одной из ближайших задач расширение их до учреждения народных университетов».

В последнем разделе программы, посвященном нуждам городских окраин, составители вновь возвратились к сюжету о народном образовании, ставя его и здесь на первое место: *«В первую очередь должно быть поставлено увеличение числа начальных училищ на всех окраинах города и устройство народных чтений и лекций по гигиене жилищ и заразным болезням».* И уж затем следовали такие пункты, как: открытие на окраинах амбулаторных лечебниц; расширение водопроводной сети и увеличение числа водоразборных будок; замощение улиц и развитие сети уличного освещения; постепенное подключение окраин к городской канализации и прочее.

Влияние многолетних публикаций «Приазовского края» по городским коммунальным проблемам можно проследить и в увязывании задач здравоохранения не только с развитием сети амбулаторий на окраинах

Как читают оперативную съемку. Оптимист и пессимист.

Рис. А. Воронцового

и учреждением должностей городских участковых врачей для бедных. «Народное здравие» составители программы, как и читаемая ими газета, связывали также с расширением водопроводной сети, с улучшением качества и удешевлением питьевой воды для горожан; с расширением системы канализации и замощением городских улиц; с оздоровлением долины реки Темерник и мест городских свалок; с усилением санитарного контроля за качеством продуктов питания и условиями их продажи на городских базарах, и т. д.

Многообразие задач коммунальной политики, предложенной «прогрессивными избирателями», позволяет говорить о том, что программа была рассчитана на довольно продолжительный период деятельности городского самоуправления, а не только на предстоящие четыре года.

Симпатии редакции «Приазовского края» определились сразу же. Она последовательно выступала с поддержкой и популяризацией как программы, подвергшейся нападкам лидеров старого состава думы, так и самих обновленцев на выборах. Избирательная кампания 1909 года сопровождалась шумной полемикой в ростовских газетах, что было новацией как для читателей «Приазовского края», так и для городских борщиков в целом.

С мая 1909-го по октябрь 1911 года в городе выходила газета «Ростовский-на-Дону листок», которая поддерживала «стародумских» отцов города. «Приазовский край» самым активным образом участвовал в полемике с «Листком».

Итоги выборов и особенности формирования управского состава при «обновленных» думах заложили основу для столкновения «новых» и «старых» думских гласных при обсуждении практически всех городских проблем. Особенной остротой они отличались в Ростове.

«Приазовский край» оказывал поддержку обновленческой оппозиции в городских думах созыва 1909–1913-го и 1913–1917 годов. В контексте данной работы вряд ли целесообразно проследивать перипетии дискуссий гласных в городских думах. Это сюжеты для истории городского самоуправления Ростова (или городских самоуправлений в ростовском градоначальстве). Ограничусь лишь парой замечаний. Помимо возросшего внимания репортеров к протоколам заседаний городских дум Ростова, Нахичевана и Таганрога, с осени 1909 года в газете появилась регулярная колонка «На городские темы». Сохранялась она и во все по-

следующие годы, выходила по крайней мере раз в месяц, а порой и чаще – раз в две недели по итогам думских обсуждений той или иной проблемы. Ее автором был А. Лиманов (псевдоним А. Морев), один из активных ростовских гласных-обновленцев в думе созыва 1909–1913 годов. С «Приазовским краем» он сотрудничал с середины 1890-х годов.

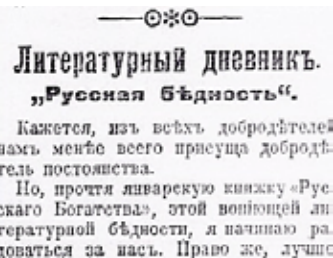
Еще одна новация на газетных страницах – появление значительного количества карикатур на городские темы, чаще всего с подписями и пояснениями. Эта «легкая» (как ее называли сами сотрудники газеты) сатира призвана была привлекать внимание той части читателей, которые не хотели или не могли знакомиться с муниципальными проблемами и критикой действий дум и управ по серьезным публикациям. Например, в течение всего 1912 года каждую неделю в воскресном приложении «Приазовского края» выходили «Ростовские картинки» – своего рода сатирические комиксы на городские темы. Немалое место занимали в них коммунальные проблемы.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

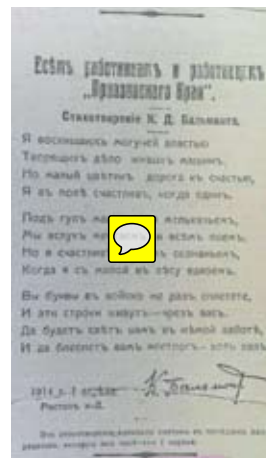
Чрезвычайно важным и значимым для основателя «Приазовского края» и его сотрудников-единомышленников был массив литературных публикаций. И потому, что газета позиционировала себя как «политическую, общественную и литературную», и потому, что русская культура XIX–XX веков была литературоцентрична.

Литературная часть газеты была широко представлена на ее полосах уже в первые годы издания. Она пользовалась особым вниманием редакции и во все время ее роста и развития. Чем большими становились финансовые возможности газеты, тем большее место во все возрастающем объеме издания занимали литературные публикации. Они были разнообразны по жанру: новеллы отечественных и зарубежных авторов; очерки жизни и творчества русских и иностранных писателей и мыслителей; литературная критика (Н. Лаврский-Барановский, М. Шагинян, С. Потресов-Яблоновский, З. Мезенцева и др.) В отчете за 1910 год инспектор по делам печати при ростовском градоначальстве назвал высоким уровень критических статей в «Приазовском крае». Он также отметил, что литературные и общественные темы критиками газеты *«разрабатываются довольно объективно и сдержанно»*.

Анализ публикаций одной только М. С. Шагинян, печатавшейся в газете с 1906 года и практически до конца ее издания, позволяет определить

«Приазовский край».
15 февраля 1911 г.

Детство, отрочество и юность А. П. Чехова (Воспоминания школьного товарища).

Любовь ко своей отчужденной родине (Григорий из деревни Спиря на Амур), Писательница еще больше любила отчужденную родину. Она была готова идти туда, куда звали ее, и не считала себя чуждой там, где она жила. С детства она любила отчужденную родину. Писательница еще больше любила отчужденную родину.

Местный колорит в произведениях А. П. Чехова.

Статья П. Суровкина.

Великий писатель не только видел в жизни человека, но и видел в нем человека. Он видел в нем человека, который живет в нем, и который живет в нем. Он видел в нем человека, который живет в нем, и который живет в нем.

Заголовки публикаций из «чеховского» номера газет, вышедшего в июле 1914

существенные отличия «Приазовского края» от провинциальных ежедневных изданий. Да и не только от провинциальных. Летом 1909 года, в разгар дискуссии о только что изданном сборнике философско-публицистических статей «Вехи», «Приазовский край» опубликовал большой материал М. Шагинян «Еще о «Вехах»».

Статья, написанная студенткой историко-философского факультета высших женских курсов Н. Герье, присланная ею из Москвы, заняла подвалы на первой и второй полосах, потеснив рекламу и объявления, традиционные для этого газетного пространства. Беспрецедентность публикации очевидна: полемику о «Вехах» вели толстые ежемесячные журналы. Газетных публикаций, кроме вышеупомянутой, по столь сложной проблематике мне встречать не приходилось, хотя о полемике вокруг «Вех» в 1909–1910 годах некогда написана была дипломная работа.

В 1911–1914 годах литературная критика М. С. Шагинян, ее философские эссе, статьи о музыке и живописи, размышления этического характера составляли содержание постоянной рубрики «Литературный дневник», выходившей два-три раза в месяц. Библиография статей, в нем опубликованных, представлена была мною в материалах «Десятих Шагиняновских чтений» (2023). В этот перечень не вошли примерно полтора десятка публицистических статей по текущим проблемам общественной жизни страны.

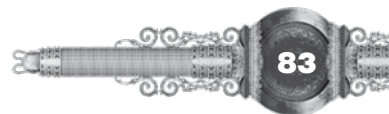

В «Литературном дневнике», помимо оценок новых повестей, романов, сборников стихов и прочее, находим, например, две статьи с уничтожающей (и, думается, до сих пор актуальной) критикой теософии, модной и в 1910-х годах – «Соблазн пустого места» и «Модное язычество». Есть статьи о мыслителях – «Ницше и античность», «Достоевский и Россия». В публикации «Новое о Толстом» М. Шагинян интерпретировала религиозные воззрения писателя на основе его «Записных книжек», а в литературно-философском эссе «Шекспир и Толстой» сопоставляла этические принципы обоих творцов. Эссе «Звук и слово» – попытка популярно объяснить специфику восприятия человеком музыки и литературных текстов; «Человек и его рука» – о взаимосвязанном развитии навыков ручной работы и головного мозга. Присутствовало в «Дневнике» и многое другое, отражавшее широкий спектр интересов автора.

Еще раз подчеркну: все это публиковалось не в толстом журнале, традиционном рассаднике просвещения в России XIX–XX веков, а в ежедневной газете. Более того, делая время от времени обзор толстых журнальных книжек, Мариэтта Шагинян со страниц «Приазовского края» не единожды упрекала их за мелкотемье очерков или пошлость публикуемой беллетристики. Автор «Литературного дневника» отличалась независимостью суждений и оценок. Для нее не существовало своего рода «священных коров» в лице уважаемых изданий или маститых литераторов.

Острота критических замечаний, афористичные характеристики, едкие запоминающиеся сарказмы – все это присуще критическим статьям М. С. Шагинян, опубликованным в «Литературном дневнике». Ее оригинальные оценки и суждения о поэтах и писателях российского Серебряного века (А. Белом, И. Северяnine, А. Куприне и др.) до сих пор представляют немалый интерес и для историка культуры, и для заинтересованного читателя.

«Русская бедность» – название рецензии на январскую (1911) книжку журнала «Русское богатство». Оно уже сообщает авторское резюме по поводу интеллектуального содержания номера. Оценивая публицистику журнала, критик замечает: «От «Русского богатства» веет теперь... старой гражданской привычкой «обличать», как поясницу чесать. Иные нужны слова, иное углубление в действительность. И прежде всего потому, что действительность эта – иная. Она переменялась, неуловимо, неуследимо в процессе, но явно – в его результатах».

Памяти Лермонтова.
Приложение 15 июля 1901 г.

Мариэтта Шагинян

М. Шагинян. Собачья весна. «Приазовский край», 1914 г.

На страницах «Приазовского края» можно найти также раннюю поэзию и прозу М. С. Шагинян. Первый ее стихотворный роман-пародия «Месяц на Волге», отчетливо ученический, печатался в номерах воскресного приложения летом 1906 года. Летом 1910 года там же появилась ее очередная стихотворная пародия в нескольких главах «Ипполит».

Замечу, что воскресные приложения «Приазовского края» и предназначались в основном для знакомства читателей с новеллами и стихотворными опусами российских и зарубежных литераторов. Это не исключало появления рассказов и стихов в ежедневных номерах газеты. Так, праздничные номера газеты (рождественские и пасхальные) обычно были насыщены приличествовавшими случаю рассказами авторов, сотрудничавших в «Приазовском крае», – Н. Лаврского, Л. Пасынкова, П. Сурожского, В. Севского, С. Яблоновского, З. Мезенцевой и других. С 1912 года рассказы М. Шагинян, святочные и пасхальные, неизменно присутствовали в праздничных номерах газеты, а в июле–августе 1913 года отдельными главами в ежедневных номерах была опубликована ее повесть «Каприз миллионера» – очевидно, первая.

Сама Мариэтта Сергеевна вспоминала, что сотрудничество с «Приазовским краем» «очень сократило, почти на нет свело, подражательный период моего собственного писательства». Она считала ценными требования, которые предъявляли редакторы газеты к своим фельетонистам: «Газета приучает к структурности формы, если работать в ней долго и с открытыми глазами. Урок ее начинается с жесткого требования объема – не больше, не меньше, укладывайся... Постепенно учишься в газете секрету действенности печатного слова: умению правильно вовремя подводить к кульминации и не мусолить эту кульминацию излишне долго и многословно».

Возвращаясь к составляющим литературного отдела газеты, отмечу регулярные извещения читателей об издательских новинках. Публиковались перечни книг, не только художественных, но и общественно-политических и научно-популярных, поступивших в редакцию для рецензирования из издательств разных городов России. Какие-то из этих поступлений удостоивались пространной рецензии в фельетонах литературных критиков газеты. Большинство же новинок представлялись публике в кратких аннотациях, появлявшихся в газете два-три раза в месяц. В контексте упомяну и большой библиографический обзор ростовского

краеведа М. Б. Краснянского «Историческая литература о Ростове-на-Дону», опубликованный тремя частями в 1913 году.

Особый сюжет – ретроспективная характеристика творчества отечественных писателей. Обычно она приурочивалась к их памятным датам. Приведу несколько примеров. Один – из первого десятилетия жизни газеты – представлен изображением обложки приложения к «Приазовскому краю». Посвящено оно было М. Ю. Лермонтову в связи с 60-летием со дня его гибели.

С ростом объема ежедневных номеров «Приазовского края» подобные ретроспективы переместились из приложений непосредственно в газетные номера. Так, в подшивке 1914 года находим номер от 25 февраля, посвященный 100-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко. На трех с половиной из восьми газетных полос были помещены не только очерки его жизни и творчества, но и литературные материалы самого поэта, рисунки Шевченко-художника, а также очерк о нем как о живописце. Здесь же интересная даже для современного читателя, и, замечу, для читателя подготовленного, аналитическая статья Ф. Матушевского «Т. Шевченко, западничество и славянофильство». В номере была опубликована и цитируемая фотография автопортрета, подаренного художником Я. Г. Кухаренко и хранившегося на момент публикации в Екатеринодаре.

Популяризацией творчества знаменитого земляка А. П. Чехова редакция газеты занималась регулярно: по крайней мере дважды в год чеховская тематика, в большей или в меньшей степени, присутствовала в номерах, выходящих в день рождения писателя и в памятную дату его смерти. Номер от 2 июля 1914 года был посвящен памяти А. П. Чехова в связи с десятилетием его кончины. В нем литературная критика творчества писателя; несколько интересных очерков о нем, в том числе очерк А. Тарского «Чехов и таганрожцы»; фотокопия любопытного чеховского автографа. Своего рода камертоном всей подборки материалов о писателе были воспоминания о Чехове его гимназического товарища А. Дросси, камерные и эмоционально теплые. В целом в подборке присутствовал выраженный интерес к личности Антона Павловича и к ее неожиданным проявлениям.

Если говорить о системообразующих чертах литературной критики в «Приазовском крае», то следует отметить неуклонное стремление поддерживать реалистические литературные тенденции; скептическое

Рисунки Т. Г. Шевченко

отношение к модному сиюминутному формотворчеству; умение ведущих критиков газеты отделять при этом зерна таланта от плевел как в стане писателей-реалистов, так и в модернистских течениях.

Но иногда сотрудникам редакции необязательно было писать пространный фельетон о тех или иных новаторах, работающих на поэтической ниве. Карикатура А. Воронцовского – визуальная оценка выступлений футуристов в Ростове в декабре 1913 года. Современному читателю, скорее всего, неизвестно, что с легкой руки Николая Гоголя святочный черт, неудачливый проказник, на долгие годы стал обязательным персонажем рождественских рассказов и увеселений «почтенной публики». Не раз появлялись святочные черти и в рождественских номерах «Приазовского края». В Рождество 1913 года их изобразили именно такими, в виде гастролировавших поэтов-футуристов.

«ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ» И ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЛО

Развитие и состояние театра и театрального дела – еще один важный для редакции «Приазовского края» массив публикаций. За продолжительный период издания газеты не было номера, в котором отсутствовала бы информация о происходившем в театре. Самая минимальная – это объявления о текущих и ближайших спектаклях в Ростове и Нахичеване. Объявления довольно информативны: указывался режиссер и актерский состав спектакля, антрепренер труппы, цены на билеты. Последние варьировались от пониженных, так называемых «народных» (на льготные утренники), до бенефисных (с указанием бенефицианта).

Одна оригинальная публикация о театре, точнее, об истории ростовского театра, заслуживает упоминания. В мае–июне 1894 года в нескольких номерах газеты были напечатаны воспоминания ростовского старожилы и бытописателя, заядлого театрала и корреспондента столичного журнала «Театр и искусство» Б. Камнева (Б. Фонштейна). Назывались они «Из ростовской старины» и содержали любопытные подробности из истории театрального здания Гайрабетова и Драшковича, да и не только об этом. Очень рельефно описана здесь пятнадцатилетняя антреприза Г. С. Вальяно, родоначальника жанра оперетты в Ростове, состав опереточных и драматических трупп 1860–1870-х годов, их сценические заслуги и образ жизни. В 1897 году воспоминания Б. Камнева были опубликованы отдельной брошюрой. Кстати, в отличие от очерков И. Кузнецова по исто-

рии Ростова, также публиковавшихся в «Приазовском крае» и изданных в 1898 году отдельной книгой «Прошлое Ростова», они никогда не переиздавались, стали библиографической редкостью и практически неизвестны современному читателю.

Регулярно появлялись в газете рецензии на спектакли, как успешные, так и неудачные. Обычной чертой этих небольших по объему заметок, подписанных инициалами или вовсе безымянных, было отсутствие комплиментарности. Массив подобных заметок относится к газетным подшивкам 1890-х – начала 1900-х годов. Среди них заметно выделяются немногочисленные пространные фельетоны критического характера. Некоторые из них заслуживают внимания, так как позволяют выявить критерии базовых оценок «Приазовским краем» деятельности того или иного антрепренера, а также принципов организации театрального дела.

Небессмертный (И. Я. Алексанов) подводя в «Злобах дня» итоги театрального сезона 1899–1900 годов, предъявил претензии нахичеванской городской думе, основавшей городской театр и тратившей деньги на его содержание, но не обращавшей внимания на действия антрепренеров-арендаторов. В связи с этим театр не выполняет свою роль просветителя и воспитателя народа, заявленную как цель во время его основания. В качестве примера автор колонки приводил завершившийся театральный сезон, когда здание было сдано в аренду ростовскому антрепренеру без каких-либо ограничительных условий: «не были обусловлены ни цены на места, ни количество спектаклей, ни репертуар, ни контроль города в расписаниях театра».

Критиковал Небессмертный антрепризу известного театрального деятеля Н. Н. Синельникова, арендовавшего на сезон одновременно и Асмоловский ростовский, и Городской нахичеванский театры. Действительно, известный и успешный режиссер и актер, Синельников не без выгоды для себя выступал и как антрепренер театральных трупп в городах юга России. По мнению газетного критика, при его антрепризе театр для нахичеванцев стал роскошью: *«Начиная с цен, которые и в Ростове вызывают массу жалоб и тяготят обывательский бюджет, антреприза систематически повторяла бенефисы своих артистов, которые в свою очередь служат обычным предлогом для повышения платы на места... Ни «нормальные» цены, ни тем паче «бенефисные» не могли открыть в театр доступа огромному большинству городского населения, которое, при своей материальной не-*

„Пушкинъ и Мицкевичъ“.—
Живая картина.

ВИДЪ РОСТОВСКАГО ТЕАТРА ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

обеспеченности, лишено было возможности проникнуть в свою «школу»; школа эта благодаря такому обороту дела резко изменила свое назначение и сделалась достоянием небольшой имущей части населения». Не предъявляя каких-либо претензий к качеству постановок Н. Синельникова, критик считал, что городской театр прежде всего должен быть доступным горожанам, «главным образом по ценам, и, затем, по репертуару».

К слову сказать, за репертуаром антрепризы Н. Н. Синельникова Небессмертный следил весьма тщательно. В том же январе 1900 года, оценивая постановку пьесы «Мертвая петля» в ростовском театре, которая шла в новогодние и крещенские праздники, он заявил, что подобное решение понятно в смысле пополнения театральной кассы, но непростительно по сути. «Театр призван не только развлекать скучающего и сытого обывателя». Именно в праздники театр чаще всего посещается публикой из народа, но ничего поучительного, развивающего, облагораживающего из «произведения сомнительного сорта» (его определение рецензируемой пьесы) зрители не получили.

Год спустя, в январе 1901-го, обвинения в адрес театральной комиссии таганрогской думы опубликовал в «Приазовском крае» и Шиллер из Таганрога. Эмоционально насыщенное негодование автора колонки «Арабески» объяснялось низким качеством постановок антрепризы Г. Форкати. Последний, арендовав одновременно театры в Таганроге и Кишиневе, не обеспечил качественный состав труппы для таганрожцев. В итоге на

городской сцене в спектаклях разного жанра выступали: одна талантливая актриса, два актера-середнячка, остальные же – «новички, еще не научившиеся даже ходить по сцене и не знающие, куда девать руки». Основные упреки критика были обращены именно к театральной комиссии думы: «Публика вправе направить весь свой гнев не против г. Форкатти, которого она не знает и не избирала в антрепренеры городского театра, а против комиссии, уполномоченной местным населением заботиться о процветании местного театра... Нравственная и юридическая обязанность комиссии немедленно покончить с г. Форкатти и передать театр в другие руки».

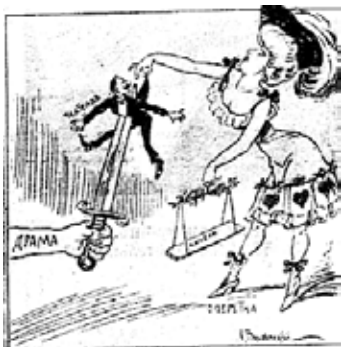
Рецензентов, писавших о театре в первом десятилетии издания «Приазовского края», нельзя упрекнуть в стремлении огульно отрицать и критиковать то, что не соответствовало идейно-эстетическим представлениям сотрудников газеты об общественной роли театра, но реально присутствовало на театральных подмостках. Здесь уместно упомянуть оценку итогов зимнего театрального сезона 1900 года в Новочеркасске, опубликованную в том же номере газеты, что и процитированные выше «Злобы дня» небессмертного. В «Пестрых заметках» Гранитов (псевдоним Н. Туркина) выступил в защиту антрепризы С. Крылова, подвергшейся, по мнению руководителя новочеркасского отделения «Приазовского края», необоснованно резким и пренебрежительным оценкам в одной из новочеркаских газет. Не отрицая огрехов и просчетов антрепренера, критик поименно охарактеризовал состав его труппы и резюмировал: «Сказать, что эта труппа – «безобразия», что она слаба, что она хуже всех других трупп, перебивавших на нашей сцене, нельзя: это будет несправедливо».

А далее следовало показательное сравнение: «Мне лично пришлось сравнить некоторые спектакли, прошедшие в этом сезоне на новочеркасской сцене, с аналогичными спектаклями на сцене Асмоловского театра в Ростове-на-Дону. Казалось бы, что положение того и другого театра – почти несоизмеримы, и что Асмоловский театр с синельниковской труппой должен беспощадно подавлять новочеркацкий. А между тем на меня неизмеримо сильное и лучшее впечатление произвело исполнение на новочеркасской

Ростов-на-Дону.
Театр Асмолова

Позабыл ростовец драму.
Изменил на время ей.
Полюбил другую даму:
Оперетку этих дней.
«Ночь любви»,
восторги страсти.
И «Веселая вдова» ...
Ждали ль этакой
напасти?..
Закружилась голова.

сцене пьес «Заза», «Идиот» и «Царь Феодор», чем исполнение тех же пьес на сцене Асмоловского театра». Впрочем, Гранитов отмечал и неудачные по актерскому ансамблю спектакли в Новочеркасске, которых у Синельникова не случилось. Причины этого рецензент видел в малочисленности труппы Крылова, в отсутствии актеров на ряд драматических амплуа, в недостатках режиссуры.

Резкую критику антрепризы Крылова частью новочеркасской публики Гранитов связал с гибридным характером его труппы: она состояла из актеров драмы и актеров оперетты. С. Крылов, будучи любителем оперетты, ориентировался на удовлетворение запросов разных групп городских театралов. Большинство же новочеркасской публики, по свидетельству автора колонки, «в принципе было против присутствия оперетки на нашей сцене». Однако единодушного недовольства зрителей деятельностью антрепренера критик не видел: любители оперетты наслаждались постановками в те дни, когда сторонники драмы недовольно бурчали. И наоборот. Сам Гранитов полагал, что «драма и оперетка одновременно у нас (очевидно, в одной и той же труппе. – **Н. С.**) существовать не могут и не должны». Впрочем, по его мнению, следовало не только осуждать Крылова за ошибки, но и помнить о его заслугах. Например, о том, что «при его антрепренерстве учреждены у нас общедоступные спектакли и при нем же учащиеся стали бесплатно бывать от времени до времени в театре», поэтому «обществу не следует быть неблагодарным».

Особой характеристики заслуживают театральные публикации «Приазовского края» 1910–1914 годов. Театральные материалы в эти годы заняли много больше газетного пространства, чем в предыдущие десятилетия. Содержательно они тоже более разнообразны и интересны: фотографии состава трупп перед сезоном и наиболее значимых гастролеров; фотографии декораций спектаклей, а иногда их мизансцен (правда, только из спектаклей ростовского театра); театральные шаржи сотрудничавшего в газете художника А. Воронцового и его же карикатуры, визуально дополнявшие театральные рецензии. Свое слово, понятное менее искусственным читателям, сказали даже авторы «Ростовских картинок».

Вместе с содержанием рецензий все это выглядит как единый замысел, направленный на поддержание культурного значения театра, на привлечение публики не только на развлекательные пьесы, наконец, на «окультуривание» самой публики. При всем разнообразии личных вкусов

рецензентов «Приазовского края», их оценок состояния театра, уровня симпатий и антипатий к веяниям модерна на театральной сцене и т. п., в них прослеживается защита театра серьезной драмы с его воспитывающей зрителей функцией, критика модернистского формотворчества и засорения репертуара салонными мелодрамами.

Не останавливаясь подробно на анализе множества театральных рецензий этих лет, отмечу одну из публикаций принципиального характера, которая задала тон театральной критике на страницах газеты на ряд лет вперед. В январе 1911 года, когда театральный сезон и антреприза О. Зарайской в ростовском театре близились к завершению, появилась большая статья Шиллера из Таганрога «Театр и предприниматели». В центре внимания члена редколлегии газеты оказался не только ростовский театр. Разумеется, прежде всего он отметил очевидное падение уровня спектаклей ростовского театра «под напором коммерческой вакханалии»; интерес к ним упал и у жителей города, и у таганрожцев, и у жителей Новочеркасска, которые в прежние годы весьма охотно посещали постановки на ростовской сцене. Впрочем, это лишь введение в тему.

Далее Тараховский сопоставлял положение дел в Ростове, где театры частные, с ситуацией в Нахичеване, Таганроге и Новочеркасске, где театры городские, и не увидел принципиальной разницы в организации сезонов: театры сдаются в аренду, арендатор распоряжается репертуаром самостоятельно и «главнейшее внимание сосредоточивает не на художественной стороне дела, а на выколачивании сборов при помощи всевозможных сомнительного достоинства новинок, которыми стараются покрыть все недочеты постановки, состава труппы и художественной цельности».

Затем Шиллер из Таганрога перешел к главной проблеме своей пространной статьи – рассуждениям по вопросу о том, что есть театр: просветительное учреждение или просто зрелище, польза от которого если и есть, то весьма двусмысленная? Его ответ – ответ заядлого театрала-просветителя: *«По моему мнению, в будущем театр займет первенствующее положение среди просветительных учреждений и к нему будет такое же любовно-внимательное отношение как к школам и университетам. Такая школа прежде всего нужна не интеллигенции, а народу»*. Он нарисовал утопическую идиллию о театре будущего: общедоступном, тесно связанным с народной школой, призванном *«пополнять, расширять, вос-*

О. Зарайская

Н. И. Соболевщikov-Самарин

питывать, словом, продолжать работы школы в том направлении, чтобы главной потребностью человека были не грубо животные наслаждения, не водка, деньги и разврат, а область прекрасного, делающего человека действительно лучшим и высшим существом на земле». Естественно, театр символический, стилизованный, декадентский Шиллер из Таганрога считал антиподом театра-аудитории, театра-школы.

Возможно, просветительские иллюзии А. Тараховского и его утопические надежды на театр будущего творческий коллектив «Приазовского края» разделял не в полной мере. Но последовавшие события позволяют говорить о том, что руководство газеты направило усилия на оказание поддержки серьезному драматическому направлению, по крайней мере, на ростовской сцене. Более того, мнение газеты было услышано владельцами ростовского театра, который хоть и назывался городским, но принадлежал частным лицам.

Ростовский театр был для газеты близким, и не только потому, что от Братского переулка до Таганрогского проспекта, где находился театр, всего несколько коротких кварталов. Один из совладельцев театра, Л. Ф. Волкенштейн, юрист-консульт акционерного общества, издававшего газету, похоже, больше занимался делами театра, чем его партнер И. М. Файн, «директор» городского трамвая. Вполне возможно также, что Л. Волкенштейну, соученику А. П. Чехова по таганрогской гимназии, были симпатичны и публикации Шиллера из Таганрога о театре-аудитории, театре-школе. Поэтому антрепризу О. Зарайской решено было усилить в творческом отношении приглашением Н. И. Соболевщикова-Самарина как главного режиссера и соантрепренера.

Газета, со своей стороны, существенно усилила состав своих театральных рецензентов. Летом–осенью 1911 года в «Приазовском крае» начали работать сразу два новых сотрудника с реноме театральных рецензентов: А. Я. Лопуховский (Лис) и П. Т. Герцо-Виноградский (Лознгрин). Перед началом сезона Лис провел настоящую маркетинговую акцию по представлению театральной публике антрепризы Соболевщикова-Самарина и Зарайской. В конце августа он опубликовал интервью с Н. И. Соболевщиковым-Самариным, в котором среди прочего прозвучали принципиальные подходы главного режиссера к своим задачам, вполне созвучные, кстати, той трактовке роли и значения театра, которые были высказаны Шиллером из Таганрога.

«Я все еще держусь старого взгляда, – заявил Н. Собольщиков-Самарин, – что театр – это школа жизни, и вся жизнь, а не одна какая-нибудь тропа в ней должна находить свое освещение и толкование на театральной сцене... Модернисты, импрессионисты, интимный театр, примитив, балаганчик – все это промелькнуло перед нами в течение сравнительно короткого времени. ... Все новое, что приходило в театр, перебродило и смешалось с существом старого театра. Ненужное ушло, а здоровое и хорошее осталось». В сентябре с интервалом в неделю Лис-Лопуховский опубликовал две статьи, посвященные предстоявшему сезону. В первой названы пьесы, которые вошли в репертуар, с акцентом на то, что исключительное место в нем займет, несомненно, «Живой труп» Л. Толстого. Автор представил состав труппы и отметил удачный подбор актеров ее директорами. Вторая была посвящена характеристике значения драматургии А. Н. Островского для русского театра: антреприза открывала сезон постановкой его мелодрамы «Без вины виноватые». Подобное представление труппы и сезона на страницах газеты представляется и креативным, и беспрецедентным. Оно и не повторилось впоследствии.

Н. И. Собольщиков-Самарин проработал в ростовском театре в качестве главного режиссера и соантрепренера два театральных сезона. Лоэнгрин (П. Герцо-Виноградский) дал в «Приазовском крае» высокую оценку его деятельности. *«Не город, не население создают вес и влияние своим театрам, но антрепренеры... Они своим умением, своей работой и своей любовью создают внимание толпы, интерес города к театру. В сущности это явление общее. И везде, во всех делах и фактах жизни влечет к себе и создает настроение и интерес только ярко и талантливо выраженная индивидуальность. Г. Собольщиков-Самарин – один из тех немногих наших театральных деятелей, которые обладают этим ценным свойством создавать вокруг своего дела интерес публики».* Резюме рецензента однозначно: если своей предыдущей театральной котировкой Ростов был обязан Н. Синельникову, то антреприза Н. Собольщикова-Самарина ее укрепила. Следует признать, что и редакция газеты, основанной С. Х. Арутюновым, внесла свой вклад в дело поддержания традиций реалистического театра-школы и театрального реноме города.

Театральной публике в рецензиях и фельетонах «Приазовского края» отводилась значимая роль в определении репертуарной политики театра. Вряд ли в Ростове начала XX века ее можно было назвать декадентствующей

Л. Ф. Волкенштейн

«Каждый город веселится на свой лад. Ростов не признает разумных развлечений. Театр. Премьера. Интересная пьеса. Первый акт. Партер еще крепится. Ко второму акту, когда героиня выходит на сцену в обольстительном капоте, а герой начинает говорить необыкновенно умно и возвышенно, партер достает коробки с шоколадом и начинает кушать. К третьему акту... партер общими усилиями съедает пуд шоколада с кремовой начинкой и начинает томиться. Потом начинается разъезд».

Из описания ростовской театральной жизни от колумниста «Приазовского края» Лео (Л. Б. Гроссман).

щей, как это сделала М. Шагинян относительно публики московской в цикле статей, посвященных театральному кризису на московской сцене. Но и ростовская публика имела собственный оригинальный облик, который просветителям из ежедневной газеты очень хотелось улучшить. Разумеется, в соответствии с собственными представлениями об этом лучшем. Поэтому в своих описаниях поведения ростовцев в театре рецензенты газеты очень часто прибегали и к гротеску, и к сарказму.

Лоэнгрин на той же саркастической волне дополняет и уточняет автора колонки «В кодаке»: *«Ростовская театральная публика прекрасно знает значение антракта и, когда занавес опускается, она тотчас шумно встает, оборачивается спиной к сцене и, толкая друг друга, бежит в фойе. При этом театральная публика любит использовать антракт до последней секунды».* И только когда становится ясно, что на сцене снова идет спектакль, *«эта публика врывается в залу, оживлённо разговаривая, наступая друг другу на любимые и нелюбимые мозоли, усаживается на чужие места, спорит при этом... и к концу акта наконец находит свое место».*

В. С. Швейцер (Пессимист), начавший работу в «Приазовском крае» осенью 1913 года, побывав на первом спектакле сезона, опубликовал свои, тоже первые, впечатления от ростовцев в театре. Сезон открывался спектаклем «Горе от ума» А. Грибоедова (антреприза О. Зарайской и А. Гришина). *«Я видел в театре прекрасные смокинги и великолепные кружева, апофеоз портних и галантерейных магазинов, но это был равнодушный и наивный зритель. Аплодировали актеру, который прокричал свой монолог, треску его декламации, или буффонному уходу комика, тогда как искренние интонации, тепло подлинного чувства проводили легким кашлем, аккомпанементом равнодушия. И еще: смеялись остротам Грибоедова с такой простодушной непосредственностью, как будто слышали их впервые, милые зрители, не искушенные в самом простом.... Финал пьесы встречен неожиданным волнением; характерный треск стульев, зрители встают.... Вешалка победила сцену; эти люди, не дослушав Грибоедова, бегут за своими пальто и галошами...».*

Наша „театральная публика“.

Разъезд послѣ окончанія спектакля.

Любопытно, что финал первого спектакля сезона 1913–1914 годов, в котором самым активным образом поучаствовали сами зрители, получил оценку и у карикатуриста «Приазовского края». Рецензия и карикатура были опубликованы одновременно.

Пессимист (В. Швейцер) – единственный из театральных рецензентов «Приазовского края», кто считал значимой роль публики в успехе того или спектакля. И речь при этом шла не о кассовых сборах, создававших материальный успех той или иной антрепризе.

В рецензии на гастроли московского театра-кабаре «Летучая мышь» и ее основателя и руководителя, уроженца Нахичевана Никиты Балиева он писал: *«Психология, характер театрального зала имеет гораздо большее значение, чем привыкли думать. Попробуйте осуществить грандиозные формы шекспировских трагедий в обстановке интимного театра или кабаре, и противоречие будет казаться почти болезненным. В обратном направлении делает ошибку «Летучая мышь», слепо влетая в громоздкие театральные залы провинции... Здесь больно ударяется она легкими крыльями, и сколько ни взывал бы настойчивый г. Балиев, первый открывший у нас смелое искусство диалога со зрителем, сколько бы ни взывал он, приглашая публику принять участие в шутках – веселье не приходит или приходит робкое, сконфуженно оглядываясь, стыдливое и угловатое».*

Впрочем, это единственный упрек рецензента блестящим, неприкосновенным постановкам «Летучей мыши», театру, *«который осмелился стать театром пустяков»*, демонстрируя при этом, по мнению критика, *«стиль, вкус и искусство»*.

Пессимист, понаблюдав в течение сезона за ростовской театральной публикой, обрисовал ее вкусы и предпочтения весьма нелицеприятной картиной: *«Самойлов поставил «Ревизора», и в партере не было ни одной лысины. У Самойлова шла «Бесприданница», и в театре было почти просторно. Самойлов дал лермонтовский «Маскарад», и этот редкий, необыкновенный спектакль привлек, главным образом, молодежь.*

«Весь Ростов» и «весь Нахичеван» показались только, когда на афише запестрели заманчивые, обещающие слова – «Сердце мужчины». Пьеса с адюльтером. Тогда в зале засияли лысины, бриллианты, декольте, смокинги, ослепительные галстуки и экзотические усы. «Сердце Ростова» положительно влечется к театру адюльтера. Оно с радостной полнотой билось, когда на сцене изображали 606 измен арцыбашевской «Ревности». Но оно осталось

Н. Ф. Балиев, актёр, режиссёр, легендарный конференсье, основатель и директор пародийного московского театра «Летучая мышь»

Карикатурный портрет Н. Ф. Балиева. Н. Ремизов, 1908 г.

брезгливо-равнодушным к мольеровскому «Дон-Жуану». И даже не шевельнулась, когда анонс возвестил: новая пьеса Леонида Андреева «Не убий»».

Театральные рецензенты «Приазовского края», живописуя облик ростовской публики и отмечая ее специфические черты, не меняли, тем не менее, оценки Ростова и Нахичевана как городов театральных, не испытывавших недостатка как в антрепренерах, желающих арендовать театры, так и в гастролерах. Только откровенно слабые труппы не могли рассчитывать здесь на кассовые сборы. Впрочем, рецензии, в которых откровенно назывались недостатки исполнительского и режиссерского мастерства, они получали обязательно. Что же касается воспитания театральной публики, то в решении этой задачи достижения газеты если и были, то очень невелики.

ПОЛИТИКА НА СТРАНИЦАХ «ПРИАЗОВСКОГО КРАЯ»

Наконец о политическом лице «Приазовского края», определившемся примерно к концу первой российской революции 1905–1907 годов. Подтверждение этому находится на страницах самой газеты. Весьма неординарно выглядело объявление о подписке на 1908 год, опубликованное в номерах за ноябрь–декабрь 1907 года. Кроме традиционно повторявшейся структуры газетных публикаций в нем присутствовало краткое, но исчерпывающее изложение общественно-политической позиции издания. Ни до 1907 года, ни впоследствии подобных дополнений в объявлениях о подписке на «Приазовский край» не было. Приведу некоторые суждения из него.

«Вступая в 18-й год издания, «Приазовский край» считает вполне определившейся физиономию газеты и ее неуклонно прогрессивное, хоть и чуждое партийной окраски направление». Это начало заявления.

Следующая цитата – определение цели. *«Цель газеты – независимое служение родине и горячая поддержка всего того, что ведет Россию к экономическому и духовному преуспеянию».*

Далее определены принципы ее действий: *«предоставлять читателям обильный фактический материал, свежий и ясный, а также сжатые обзоры явлений политики и общественной жизни»;* приоритетное значение для газеты местных и краевых событий и комментариев; обязательная публикация русской и переводной беллетристики; наличие в номерах «легкой сатиры».

И завершает заявление девиз газеты, отчетливо просветительский по сути и по форме – *«к свету знания, гуманности и культуры!»*

Пакет реформ, предложенных правительством П. А. Столыпина, очевидно, вполне соответствовал представлениям редакции «Приазовского края» о вехах на пути России к экономическому и культурному прогрессу. Подтверждение этому находим в газетных передовицах, политических обзорах и комментариях о работе III Думы первых лет ее существования. Однако о поддержке платформы той или российской политической партии или блока партий газета никогда не заявляла: ни в годы III Думы, ни впоследствии, когда в IV Думе оппозиционный «Прогрессивный блок» объединил большинство думских фракций.

По сложившейся традиции сотрудники газеты не упускали возможности политически просвещать читателя. Политическая аналитика ситуативно могла заменяться графикой и рисунками. Так, например, в номере от 3 декабря 1907 года была помещена диаграмма, в которой сравнивался партийный состав трех Государственных дум. Рассмотрение чертежа давало читателю наглядное представление о том, чем принципиально отличается партийная физиономия III Думы от первых двух, созданных и распущенных в период революции. Показательно, что эти диаграммы – отдельная публикация, вне какого-либо политического обзора.

Правда, в том же номере, двумя полосами ранее, был помещен полный текст правительственного сообщения об обвинениях, выдвинутых против депутатов социал-демократов II Государственной думы, арестованных после ее роспуска. Читатель неискушенный, не утомляясь цифрами, получал из диаграмм представление о том, каково соотношение в Думе сил, выступающих за реформы и против них; читателю искушенному было понятно, почему диаграммы и правительственное сообщение опубликованы в одном номере, ровно полгода спустя после 3 июня 1907 года.

Здесь уместно еще раз вспомнить суждение И. Печковского (Чужого) об умении С. Х. Арутюнова «ходить по острым терниям осторожности», умении эффективным и газете весьма полезном. Например, в отчете за 1907 год инспектор по делам печати при ростовском градоначальстве отмечал, что позиция «Приазовского края» близка к позиции партии кадетов. *«Перед выборами в III Государственную думу в этой газете велась агитация за прогрессивных выборщиков; по отношению к деятельности III Государственной думы газета стоит на стороне так*

называемых прогрессивных партий, но в суждениях о деятельности... соблюдается умеренность и сдержанность». Резюме цензора показательно: позиция газеты близка к платформе кадетов, но не тождественна ей; несмотря на симпатии «Приазовского края» к депутатам от прогрессивных партий, суждения о деятельности Государственной думы умеренны и сдержанны. Иными словами, инкриминировать газете нечего.

Передовицы «Приазовского края» в эти годы акцентировали внимание читателей на разработке и обсуждении думских законопроектов, касавшихся реформ: аграрной; местного самоуправления (в том числе и в области Войска Донского); средней школы; введения всеобщего начального обучения и т. п. Публиковались протоколы дебатов в III Думе по наиболее значимым законопроектам и депутатским запросам. Протоколы эти составлялись думскими собкорами газеты, выходили много раньше стенографических отчетов заседаний и были не столь утомительны для чтения.

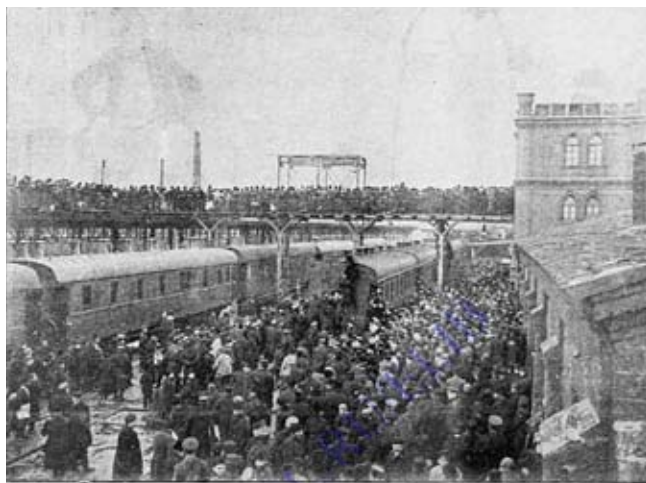
Часто на страницах газеты появлялись интервью с думцами, посвященные, как правило, политическим проблемам, преимущественно местным, — донским и краевым. Выбор персон ограничивался в основном видными ораторами думской фракции кадетов: А. Шингарев, В. Маклаков и М. Аджемов. И снова те же, но в обратном порядке.

Особым вниманием репортеров «Приазовского края» пользовался М. С. Аджемов, часто приезжавший к своим ростово-нахичеванским избирателям. Надо сказать, что напрямую цензовые выборщики Ростова и Нахичевана избрали М. С. Аджемова только во II Думу, когда ростовское градоначальство как особая административная единица имело такое право. Оно было ликвидировано избирательным законом 3 июня 1907 года. В III и IV Думы Аджемов избирался по списку кадетской партии в итоговом голосовании областного избирательного собрания, как и прочие донские депутаты-кадеты.

Уместно в этой связи дать хотя бы краткую характеристику этому блестящему оратору кадетской фракции во II, III и IV Думах, нахиче-

Моисей Сергеевич
Аджемов

Проводы в Петербург члена второй Государств. Думы
М. С. АДЖЕМОВА
11 февраля 1907 года на Ростовском вокзале.

ванскому уроженцу, обладателю двух высших образований – медицинского и юридического. Фракция кадетов (партия народной свободы) в каждом из созывов Государственной думы царской России состояла в основном из профессоров и присяжных поверенных. До избрания депутатом присяжным поверенным был и Аджемов. Сейчас сложно вспомнить, откуда пошло кулуарно-газетное название популярных ораторов этой фракции – «думские соловьи», но Моисей Сергеевич (Мовсес Саркисович) вскоре после его избрания депутатом оказался причислен околдумской молвой к этой группе. Поэтому очень часто он оказывался первым подписантом депутатских запросов кадетов правительству, то есть тем, кто должен был выступить от лица фракции по этому запросу с думской трибуны и вести диалог с представителями отвечающего ведомства. Соратники по фракции знали, что Аджемов справится.

Впрочем, Моисей Сергеевич справлялся не только с этим. Он не просто поддерживал регулярные связи со своими избирателями: читал лекции о деятельности Государственной думы, перспективах реформ, текущей политической ситуации, публиковал статьи в «Приазовском крае». Аджемов удачно лоббировал интересы родных ему городов – Ростова и Нахичевана – в министерствах и ведомствах столицы; умел оперативно организовать встречу представителей их городских самоуправлений или ростовского биржевого комитета и тому подобных организаций с тем или иным высокопоставленным столичным чиновником, вплоть до министра. В частности, много хлопот он принял на себя в связи с проталкиванием в ведомства вопроса об открытии в Ростове университета. Этим М. С. Аджемов выгодно отличался от прочих донских депутатов, отчего и пользовался заслуженным уважением среди земляков.

Из донских депутатов III и IV созыва Государственных дум, кроме М. С. Аджемова, репортеры «Приазовского края» не обходили вниманием М. С. Воронкова и В. А. Харламова, также членов партии народной свободы. Если же интервью давал кто-то из донских депутатов правого толка, то само содержание заданных депутату вопросов не предполагало получение его политического комментария, и уже в силу этого интервью выглядело малосодержательным по сравнению с пространными заявлениями думцев-кадетов.

В отчете за 1910 год в Главное управление по делам печати при МВД Российской империи ростовский цензор подчеркнул новый нюанс в тоне публикаций газеты: «...не скрывает тенденциозного кадетизма и

Василий Акимович
Харламов

Митрофан Семенович
Воронков

пристрастия к инородцам». Практически о том же писал и сам ростовский градоначальник в своем отчете в МВД Российской империи за 1914 год: «газета приняла определенное направление конституционно-демократической партии с тенденцией обслуживания еврейских, армянских и отчасти польских интересов».

И градоначальник, и инспектор по делам печати склонны были видеть причины изменения тона газеты исключительно в смене состава акционеров. Но, думается, главное все же было не в этом. Именно в 1910 году стало ясно, что пакет преобразований, предложенный П. А. Столыпиным, провален правыми в III Думе; что, кроме принятого закона об аграрной реформе, ждать прочих преобразований не приходится. Сам премьер снял их с думской повестки дня. Разочарование порождало недовольство и более жесткую критику, да и сатира переставала быть «легкой».

Цитируемая карикатура – реплика художника газеты на запрещенные железнодорожным служащим разговаривать на политические темы.

«ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ». БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ...

В краеведческой и исторической литературе чуть ли не при каждом упоминании о «Приазовском крае» встречаются обязательные оговорки о коммерческом характере издания. Используются они чаще всего в качестве негативного маркера: то упоминаются коммерческие руки газеты, в которых она держит Донскую область; то порицается дух торгашества и безыдейности, которым пронизаны ее многочисленные полосы; то вспоминают о коммерсантах-издателях, из-за которых политическое лицо газеты отчетливо не могло проявиться. И так далее и тому подобное.

Восходят все эти определения к газетам, конкурировавшим с «Приазовским краем», или же к журналистам, когда-то в нем работавшим, но в газете не прижившимся. Понятна зависть конкурентов к газете успешной, стабильно выходившей в свет и имевшей значительно более широкий круг читателей, чем прочие местные издания. Это малоприятное чувство определенно влияло на оценки, вызывало стремление принизить социокультурный облик «Приазовского края», определив его с помощью

ярлыков, перечисленных выше.

При этом обычно за скобками рассуждений оказывается то, что в условиях рынка стабильным и успешным может быть издание (или издательство), которое основано и ведется на здоровых коммерческих началах. Если, конечно, оно не является государственным печатным органом или рупором партии, не стесненной в средствах. Это во-первых. Во-вторых, далеко не всегда коммерческая успешность издательства и его издательская политика жестко связаны друг с другом. В истории России известны примеры успешных в коммерческом отношении издательств с ярко выраженной просветительской деятельностью. Вспомним, например, издателя-просветителя И. Сытина. Начальный коммерческий успех его издательской деятельности был достигнут массовым изданием дешевых (и по цене, и по содержанию) лубочных картинок, любимых российскими крестьянами, и настенных календарей, близких лубку по оформлению. И только затем началось приобщение народа к лучшим образцам отечественной литературы по доступным ценам, выпуск научно-популярных брошюр, а также дорогих художественных изданий. Впрочем, и лубочные картинки и календари тоже выпускались.

Коммерческая успешность Донского акционерного общества издательского и печатного дела (издательство газеты «Приазовский край») основывалась на доходах от заказных типографских работ и на поступлениях от подписки и розничной продажи газеты. Причем в первые годы существования общества каждый из источников давал примерно половину валовой прибыли. Впоследствии обозначилась тенденция роста в валовом доходе прибыли от типографских заказов.

С. Х. Арутюнов, будучи редактором и ответственным издателем газеты в течение почти двух десятилетий, сумел реализовать свой просветительский проект:

- **сохранить и развить основанную им газету;**
- **сделать ее интересной для краевого (и не только краевого) читателя;**
- **вырастить слой читателей, приобщенных к пониманию задач социокультурного развития края;**
- **знакомить читателя с новинками отечественной и зарубежной литературы, приучить его к качественной беллетристике;**
- **информировать читателя о современных достижениях техни-**

ки и естествознания, медицины и гигиены;

- **пропагандировать разумные формы досуга и прочее.**

Мне представляется, что все это стало возможным благодаря тому, что акционерное общество, которому он передал дело издания газеты, оказалось очень и очень коммерчески успешным.

Кстати, здесь уместно вспомнить, что за пару месяцев до смерти основателя газеты С. Х. Арутюнова, в январе 1911 года, началась розничная продажа «Приазовского края» в Петербурге. Далеко не каждая провинциальная газета была интересна столичным жителям. Газета С. Х. Арутюнова таковой смогла стать!

Известный ростовский краевед В. С. Сидоров, завершая статью о С. Х. Арутюнове в своей «Энциклопедии старого Ростова и Нахичевана-Дону», резюмировал: «Пяти лет не дожил Арутюнов до четвертьвекового юбилея своей газеты, ставшего подлинным ее триумфом. Однако лидирующей ролью «Приазовского края» наслаждался вполне». Эта оценка, по крайней мере первый ее тезис, представляется реалистичным подведением итогов главного дела в жизни Серафима Христофоровича. Второй же тезис пронизан такой светлой нотой оптимизма, что, право, хочется согласиться с этим небесспорным суждением известного ростовского краеведа, зная при этом, сколь многим пожертвовал Серафим Христофорович во имя главного детища своей жизни – газеты «Приазовский край»: и своими средствами, и своим здоровьем, и материальным благополучием своей семьи. Серафим Христофорович был похоронен на Армянском кладбище Нахичевана-на-Дону. С его кончиной семья (жена и двое сыновей) осталась необеспеченной: похоронные расходы взяла на себя Нахичеванская городская дума. Спустя два года на городские же деньги на могиле был поставлен памятник, на котором написано: «Гласному Городской Думы и Городскому Секретарю Серафиму Христофоровичу Арутюнову. Благодарное Нахичеванское-на-Дону Городское Общественное Управление».

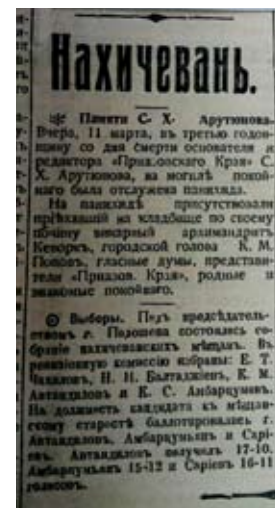
Правда, кое-какое имущество у его вдовы все же оставалось: тот самый дом на 1-й Соборной, 4, о котором уже упоминалось в связи с имущественным цензом, по которому Серафим Христофорович избирался гласным думы. Судя по изданиям «Оценка недвижимых имуществ города Нахичевана-на-Дону для взимания городского оценочного сбора и для раскладки земских сборов» за 1912-й и 1914 годы, он был в собствен-

Дом, по адресу Советская, 4, принадлежавший жене С. Х. Арутюнова.

ности Елены Никитичны Арутюновой. Ценность его определялась городской комиссией в 10,5 тысячи рублей.

В 1916 году в связи с 25-летием газеты в ее юбилейном номере было опубликовано большое число приветствий «Приазовскому краю» от его многолетних и многочисленных сотрудников, находившихся в разных городах России, работавших в разных периодических изданиях или занимавшихся литературным трудом. Все они, в большей или меньшей степени, высоко оценивали социокультурную роль газеты, основанной и возвращенной С. Х. Арутюновым. А. Б. Тараховский справедливо заметил: *«Велики заслуги Серафима Христофоровича как общественного деятеля, но они тускнеют пред заслугами его как редактора первой и единственной большой краевой газеты, которой удалось не только уцелеть, но вырасти и окрепнуть исключительно благодаря его труду, энергии, мудрой заботливости и редкой корректности».*

Панихида по Арутюнову и выборы. «Приазовский край». 1914 г.

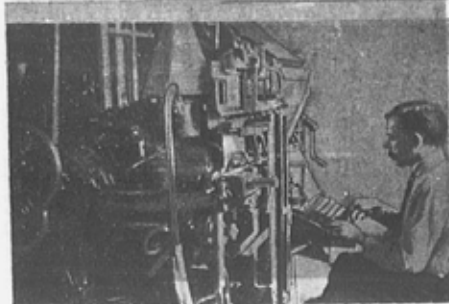
Некролог С. Х. Арутюнова. «Приазовский край». 1914 г.

Типография
С. Х. Арутюнова

ВЫПУСКЪ НАШЕГО РОЖДЕСТВЕНСКАГО НОМЕРА.

Въ кабинетъ заведующаго редакціей.

Наборъ на лннотипахъ газетнаго номера.

Въ корректорской.

Верстка гостя.

Въ студиографіи. Изготовленіе клише для иллюстрацій.

Въ студиографіи. Обработка клише и отливка бюбллетеней.

Верстка иллюстрированнаго бюбллетеня.

Печатаніе номера на ротационной машинѣ.

- *Ахмадулин Е. В.* «Приазовский край» – первая региональная газета на Дону // Научно-культурный журнал *Relga*, 2000, №4.
- *Ахмадулин Е. В., Станько А. И.* Региональная печать Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону. 2014.
- *Берберова Н. Н.* Курсив мой. М. 2021.
- *Воронцова Е. Е.* Региональная газета «Приазовский край» (1891–1920): историко-типологическое исследование, Ростов-на-Дону, 1994.
- *Герцо-Виноградский П. Т. С. Х. Арутюнов* // Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы. Т. 2. Ростов-на-Дону. 1914.
- *Греков А. М.* Приазовье и Дон. Очерки общественной и экономической жизни края. СПб. 1912.
- *Келле-Шагинов И. М.* Моя единственная жизнь. Дневники и воспоминания. Ростов-на-Дону. 2015.
- *Краснянский М. Б.* Записки штейгера. Ростов-на-Дону. 1915.
- *Краснянский М. Б.* Культурная жизнь Ростова. Ростов. 1912.
- *Лиманов А.* Через семнадцать лет. Из судебных процессов газеты // Приазовский край. 1916. 1 января.
- *Мардарьев Н.* Из истории «Приазовского края» // Приазовский край. 1916. 1 января.
- *Незнамов.* Угасший общественный деятель // Приазовский край. 1911. 29 марта.
- Ростовская пресса за десятилетие «Южного телеграфа» // Южный телеграф. 1912. 25 августа.
- *Самарина Н. В.* «Приазовский край» // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М. РОССПЭН. 2010. С. 761–762.
- *Самарина Н. В. М. Шагинян* и газета «Приазовский край» // Литературное наследие Мариэтты Шагинян и современность: материалы II Шаги-

няновских чтений 3 апреля 2015. Ростов-на-Дону. 2015. С. 35–46.

- *Самарина Н. В.* М. С. Шагинян – литературно-художественный критик эпохи Серебряного века: коллекция публикаций в газете «Приазовский край» (1911–1914) //Творчество М. С. Шагинян и ее современников: Актуальный взгляд. Материалы X Шагиняновских чтений. Ростов-на-Дону – Таганрог. 2023. С. 45–57.
- *Самарина Н. В.* Донская буржуазия в период империализма. 1900–1914. Ростов-на-Дону. 1992.
- *Свирский А. И.* Моя жизнь. М. 1938.
- *Сидоров В.* Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. Ростов-на-Дону. 1994.
- *Смирнов В. В.* Мариэтта Шагинян: мысль и образ // Нахичевань-на-Дону. Этюды старой истории: Время и люди. Ростов-на-Дону. 2010.
- *Тарский А.* Четверть века на страже общественных интересов // Приазовский край. 1916. 1 января.
- *Тарский А.* Редактор-товарищ // Приазовский край. 1911. 20 марта.
- *Трайлин Ф.* Памяти С. Х. Арутюнова // Приазовский край. 1911. 20 марта.
- *Чужой И.* Дневник // Приазовский край. 1911. 17 марта.
- *Шагинян М.* Человек и время. История человеческого становления. М. 1982.
- *Шрейдер Г. И.* Наше городское общественное управление. Этюды, очерки и заметки. СПб. 1902.
- ЦГИА РФ. Ф. 23. Оп. 24. Д. 258; Ф. 22. Оп. 4. Д. 399; Ф. 776. Оп. 17. Д. 667. ч. II; Ф. 1284. Оп. 194. Д. 15.
- ГАРО. Ф. 155. Оп. 1. Д. 1.
- Приазовский край. 1891–1897; 1900–1902; 1905–1907; 1909–1914; 1916.

Содержание

Предисловие	6
РАННИЕ ГОДЫ. ОБРАЗОВАНИЕ	9
ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЙ НАХИЧЕВАН	10
ДЕЛА ДУМСКИЕ – МУНИЦИПАЛЬНЫЕ	11
НА БЛАГО ОБЩЕСТВА – ВО ИМЯ ЛЮДЕЙ	15
ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО	18
ПОЧЕТНЫЙ МИРОВОЙ СУДЬЯ	20
«ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ». НАЧАЛО	21
ТИПОГРАФИИ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
НАХИЧЕВАНЦЕВ В РОСТОВЕ	24
ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЖИЗНИ	26
«ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ...», ИЛИ КОНКУРЕНЦИЯ ГАЗЕТЧИКОВ	29
ПРИМИРЕНИЕ КОНКУРЕНТОВ. ОБЪЕДИНЕНИЕ ГАЗЕТ	32
ГАЗЕТА В РУКАХ АКЦИОНЕРОВ	35
ГРУЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	36
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ЛИЦО ВЛАДЕЛЬЦЕВ ГАЗЕТЫ	38
ГРАНИЦЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГАЗЕТЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА	39
ЦЕНА «ПРИАЗОВСКОГО КРАЯ»	40
РОСТ ПОПУЛЯРНОСТИ ГАЗЕТЫ В РОССИИ	42
ДЖЕНТЛЬМЕНЫ В ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ	43
С. Х. АРУТЮНОВ КАК ЛИЧНОСТЬ	53
А. М. ГРЕКОВ И «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ»	56
СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ И «ХОЖДЕНИЯ ПО ТЕРНИЯМ»	57
ЦЕННОСТИ ГАЗЕТЫ «ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ»	62
ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ГАЗЕТЫ	66
ВОСПИТАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЯ	66
ПУБЛИКАЦИИ НА ЗЛОБУ ДНЯ	72
ПРОГРЕССИВНЫЕ ИЗБИРАТЕЛИ, ОНИ ЖЕ ЧИТАТЕЛИ «ПРИАЗОВСКОГО КРАЯ»	76
ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ	79
«ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ» И ТЕАТРАЛЬНОЕ ДЕЛО	83
ПОЛИТИКА НА СТРАНИЦАХ «ПРИАЗОВСКОГО КРАЯ»	93
«ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ». БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ	97
Библиография	101

автор

Жизнь замечательных нахичеванцев

Ответственный редактор *Н. В. Мирзабекова*

На обложке:

.

Формат 210x210. Бумага мелованная, 90 г/кв.м.
Тираж 500 экз. Заказ № 1080.
Издательство ООО «Ковчег»
344064, Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 59 «к»,
e-mail: nnd@aanet.ru, +7 (863) 219-59-44.

Отпечатано в типографии «Лаки Пак» (ИП Елизарова Е.Н.):
г. Ростов-на-Дону, ул. Мечникова, 112,
тел.: (863) 232-08-78, 210-03-11, факс 231-85-14.

Четвергъ, 6 сентября 1912 г.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.
Основана С. Х.

ТЕАТРЪ МИНИАТЮРЪ О Изъ-за мышонка.